ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ ДАЛЬ

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

П. И. МЕЛЬНИКОВА

(Андрея Печерскаго)

I.

Владиміръ Ивановичъ Даль родился 10-го ноября 1801 года, въ мѣстечкѣ Луганѣ, Славяносербскаго уѣзда Екатеринославской губерніи. Отецъ его въ то время служилъ врачомъ при Луганскомъ казенномъ литейномъ заводѣ.

Іоганнъ Даль, родомъ Датчанинъ, въ ранней молодости уѣхалъ въ Германію и тамъ въ одномъ изъ университетовъ (кажется Іенскомъ) прошелъ курсъ наукъ богословскаго факультета. Онъ сдѣлался замѣчательнымъ лингвистомъ. Кромѣ греческаго и латинскаго и многихъ новыхъ европейскихъ языковъ, онъ въ совершенствѣ изучилъ языкъ еврейскій. Извѣстность Даля

какъ лингвиста достигла императрицы Екатерины II и она вызвала его въ Петербургъ на должность библіотекаря. Здѣсь Іоганнъ Даль увидѣлъ, что протестантское богословіе и знаніе древнихъ и новыхъ языковъ не дадутъ ему хлѣба, а потому отправился въ Іену, прошелъ тамъ курсъ врачебнаго факультета и возвратился въ Россію съ дипломомъ на степень доктора медицины. Въ Петербургѣ женился онъ на Маріи Фрейтагъ, дочери служившаго въ ломбардѣ чиновника. Мальгея, бабушка Владиміра Ивановича, Марья Ивановна Фрейтагъ, изъ рода французскихъ гугенотовъ де-Мальи, занималась русскою литературой. Она переводила на русскій языкъ Гескера и Ифланда [1]). Вліяніе бабушки не осталось безслѣднымъ для Владиміра Ивановича Даля. Съ матерью говорилъ онъ по-русски, а помнитъ бабушку какъ только выучился читать, сталъ читать ея переводы, а съ ними и другія русскія книги. Такимъ образомъ чтеніе на русскомъ языкѣ было первымъ его чтеніемъ.

Отецъ Владиміра Ивановича былъ горячъ иногда до безумія. Онъ поступилъ на медицинскую службу въ кирасирскій полкъ, принадлежавшій къ Гатчинскимъ полкамъ великаго князя Павла Петровича. Въ автобіографической запискѣ, которую Владиміръ Ивановичъ уже пораженный физическими и нравственными ударами [2]), диктовалъ дочери за полгода до кончины, сказано слѣдующее: «Отецъ мой съ великимъ княземъ не-

---

[1]) Нѣкоторые упоминаются въ *Росписи* Смирдина, №№ 7.207—7.268.

[2]) Въ Ноябрѣ 1871 года съ нимъ случился первый ударъ; въ февралѣ 1872 скончалась супруга его Екатерина Львовна (дочь оренбургскаго помѣщика Соколова). Всякій, кто хотя немного зналъ семейство Даля, согласится, что эта чета составляла рѣдкій образецъ истинно христіанскаго супружества. Начало автобіографической записки В. И. Даля (всего три страницы, до выпуска изъ Морскаго корпуса) напечатано въ 11-й книжкѣ *Русскаго Архива* 1872 года.

адилъ, а по обязанности являлся ежедневно къ нему
съ рапортомъ. Однажды майоръ того полка (кирасир-
ского) опоздалъ на какой-то смотръ или парадъ. Ве-
ликій князь, наскакавъ на него, до того ему выгова-
ривалъ, что тотъ, покачавшись на лошади, свалился
конемъ: съ нимъ сдѣлался ударъ. Павелъ Петровичъ
бросился къ нему, приказалъ отцу моему о немъ за-
ботиться, а когда, черезъ нѣсколько дней, майоръ по-
правился и могъ лично явиться къ нему, то великій
князь, подавъ ему руку, сказалъ:

« — Sind Sie ein Mensch?

Тотъ отвѣчалъ:

« — Ja, Hoheit.

« — So können Sie auch verzeihen [1]).

«Я слышалъ отъ матери», продолжаетъ Владиміръ Ивановичъ, «что она была все время послѣ этого въ ужасномъ страхѣ, потому что отецъ мой постоянно держалъ заряженные пистолеты, объявивъ что еслибы съ нимъ случилось что-нибудь подобное, то онъ клянется застрѣлить себя.»

Изъ Гатчины Іоганнъ Даль перешелъ на службу въ горное вѣдомство, сначала въ Петрозаводскъ, по-томъ въ Луганскій заводъ, затѣмъ, уже по рожденіи Владиміра Ивановича, въ морское вѣдомство, въ Нико-лаевъ. Отсюда лѣтомъ 1814 года, когда Владиміру Далю было тринадцать съ половиной лѣтъ, его отвезли учиться въ Морской кадетскій корпусъ.

«Что скажу о воспитаніи въ корпусѣ» говоритъ Владиміръ Ивановичъ въ автобіографической запискѣ. «Что въ памяти остались однѣ розги, такъ-назы-ваемаго дежурства, гдѣ дневалъ и ночевалъ барабан-щикъ со скамейкою, назначенною для этой потѣхи.

---

[1]) «Вы человѣкъ?»—«Да, ваше высочество.»—«Ну, стало-быть вы можете и прощать.»

Трудно нынѣ повѣрить, что не было другаго исправительнаго наказанія противъ ошибки, шалости, лѣни даже въ случаѣ простой безсмысленной досады любаго изъ числа двадцати пяти офицеровъ. Разскажу нѣсколько случаевъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. По обычнымъ преданіямъ, кадеты сообща устраивали въ огромной обѣденной залѣ въ Новый Годъ родъ иллюминаціи, ставили раскрашенныя и промасленныя бумажныя саженныя пирамиды, освѣщенныя огарками внутри. Какого труда и заботы дѣло это стоило, особенно потому, что оно должно было дѣлаться тайно! Дѣти прятались для этого на чердакѣ и въ другихъ малодоступныхъ мѣстахъ, расписывая, подъ охраной выставленныхъ махальныхъ, бумажные листы вензелями начальниковъ своихъ и наклеивали на лучинныя пирамиды. Объ этомъ, конечно, знали всѣ офицеры, но не менѣе того, какъ всякая безъ изъятія забава или занятіе, кромѣ научнаго, были запрещены, то въ 1816 году офицеръ 1-й роты Миллеръ (онъ стоитъ того, чтобъ его назвать) [1]) своими руками, въ умывалкѣ 1-й роты, изломалъ въ щепы и изорвалъ въ клочки изготовленныя къ Новому Гогу пирамиды. Не безъ слезъ, конечно, изготовлены были въ замѣнъ вторыя, но недосугу гораздо меньшія, а впослѣдствіи, на самой иллюминаціи и маскарадѣ, сами офицеры, прохаживаясь по залѣ, любовались картинными вензелями своими на пирамидахъ, будто ни въ чемъ не бывало. Другой примѣръ. Директоръ нашъ, дряхлѣйшій адмиралъ Кардовъ, [2]) выживши уже изъ лѣтъ, замѣтилъ въ сумеркахъ, что кадеты разчистили себѣ на дворѣ катокъ и катаются, немногіе на конькахъ, другіе скользя на по-

---

1) Тогда флота лейтенантъ Николай Оедоровичъ Миллеръ.

2) Полный адмиралъ, сенаторъ, адмиралтействъ-коллегіи членъ, александровскій кавалеръ Петръ Конпратьевичъ Карцовъ.

дошвахъ, приказалъ купить и раздать на каждую роту по десяти паръ коньковъ. Казалось бы затрудненіе и самое запрещеніе этимъ было устранено, и раздачу коньковъ нельзя было принять иначе какъ за поощреніе, а между тѣмъ если кадетъ ловили на такой забавѣ, которая считалась въ числѣ шалостей, если они не успѣвали скрыться черезъ безконечно длинныя галлереи, то ихъ непремѣнно сѣкли. Иногда нельзя было не подумать, что люди эти не въ своемъ умѣ. То же можно сказать о лейтенантѣ Калугинѣ, вертлявомъ щеголѣ и ломакѣ. Всякаго кадета который смѣлъ при немъ смѣяться, онъ допрашивалъ подъ розгами: «о чемъ ты смѣешься?» вѣроятно подозрѣвая, что смѣются надъ нимъ. Послѣдствія такого воспитанія очевидны. Не было того порока, который бы не входилъ въ обиходъ кадетской жизни. Это было тѣмъ тяжелѣе, что о самой возможности такой жизни и не слыхивали дома....

«Что сказать о наукѣ въ корпусѣ? Почти то же что и о нравственномъ воспитаніи: оно было изъ рукъ вонъ плохо, хотя для виду учили всему. Маркъ Филипповичъ Горковенко, [1]) ученикъ извѣстнаго Гамалѣи и нашъ инспекторъ классовъ, былъ того убѣжденія, что знаніе можно вбить въ ученика только розгами или серебряною табатеркой въ голову. Эта табатерка всякому памятна.

«Тамъ не такъ сказано, говори тѣми же словами»,— и затѣмъ тукманку въ голову: это было привѣтствіе Марка Филипповича при вступленіи ученика въ безконечный рядъ классовъ.»

Владиміръ Ивановичъ свое дѣтство и корпусное воспитаніе описалъ также въ повѣсти *Мичманъ Поцѣлуевъ*. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этой повѣсти, ко-

---

1) Капитанъ-лейтенантъ, а впослѣдствіи капитанъ перваго ранга и почетный членъ морскаго ученаго комитета.

торую можно, хотя не совсѣмъ, но отчасти, назват автобіографическою, по крайней мѣрѣ Владиміръ Ив новичъ не разъ говаривалъ, что описывая похожден Поцѣлуева, онъ разумѣлъ себя, молоденькаго мичман ѣхавшаго въ мартѣ 1819 года изъ Петербурга въ Н колаевъ.

«Смарагдъ Петровичъ Поцѣлуевъ былъ сынъ п мѣщика Екатеринославской губерніи, воспитывался Морскомъ корпусѣ, былъ выпущенъ мичманомъ, назн ченъ въ Черноморскій флотъ и ѣхалъ теперь въ Н колаевъ.

«Смарагдъ былъ мальчикомъ съ хорошими спосо ностями, съ доброю, дѣтскою душою, родился под благодѣтельнымъ вліяніемъ созвѣздія Лиры и был поэтъ. Такъ по крайней мѣрѣ ему самому казалос хотя сущность дѣла заключалась въ томъ, что Смарагд вступалъ въ тѣ лѣта и отношенія, когда всякій чел вѣкъ съ душой и чувствомъ дѣлается поэтомъ, и ст ховъ не пишетъ только тотъ, развѣ кому своенравн природа положительно отказала въ способности расп ложить готовую мысль мѣрными стопами и закончит ихъ риѳмой. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди, которые р шительно не въ состояніи написать самое будничн стихотвореніе. Они пишутъ прозой хорошо, цвѣтист въ прозѣ ихъ есть поэзія, но они не въ состояніи сл жить четыре стиха, сколько бы ни бились. Если т кихъ людей по справедливости называемъ въ этом отношеніи бездарными, то Смарагдъ Петровичъ был юноша даровитый; онъ писалъ стишки, несмотря н недавнее упражненіе свое въ искусствѣ этомъ и малу опытность, довольно складно и свободно, даже нерѣдк наобумъ, вдругъ, но—геній его былъ слабосиленъ; эт была естественно одна только вспышка, и начато стихотвореніе оставалось недоконченнымъ. Начат стихотвореніе было ему легко, почти не стоило труда

но продолженіе и конецъ всегда откладывались на не извѣстный срокъ и очень рѣдко исполнялись.

В. И. Даль на 30-мъ году жизни, съ портрета принадлежаго дочери, изъ альбома Пушкинской выставки въ Москвѣ

«Поцѣлуевъ получилъ дома отъ матери, нѣмки, благонравное воспитаніе, мечтательное воображеніе, кур-

чавый волосъ, бѣлое лицо и голубые глаза; [1]) от отца, русскаго—беззаботный нравъ, неглупую голову довольно широкія плечи, крѣпкое здоровье. На три надцатомъ году поступилъ онъ въ морской корпус пробылъ тамъ пять лѣтъ, и теперь, съ эполетам шитымъ воротникомъ и саблею на черномъ лаковом ремнѣ черезъ плечо, увидѣлъ свѣтъ.

«Поцѣлуевъ, какъ острый, но скромный и чулы мальчикъ, который выросъ дома безъ розогъ, этой не обходимой принадлежности и приправы всякаго поря дочнаго воспитанія, Поцѣлуевъ понялъ, въ первые тр дня пребыванія своего въ корпусѣ, что здѣсь всег вѣрнѣе и безопаснѣе какъ можно менѣе попадаться н глаза, не пускаться никогда и ни въ какія дѣтскі игры, а сидѣть, прижавшись къ стѣнкѣ, тише водь ниже травы. Такъ было въ то время въ корпусѣ; знаю, что теперь совсѣмъ иное, я говорю о давнопро шедшемъ [2]). Тогда сѣкли съ большимъ прилежаніем

---

[1]) Такова была въ самомъ дѣлѣ наружность Даля. О родителях своихъ въ автобіографической запискѣ онъ говоритъ: «Отецъ бы строгъ, но очень уменъ и справедливъ; мать добра и разумна и личн занималась обученіемъ нашимъ, насколько могла; она знала кромѣ н мецкаго и русскаго еще три языка». То же и въ *Мичманѣ Поцѣлуевѣ* хотя тамъ горный врачъ, Датчанинъ, жившій въ Екатеринославской г бернiи, и представленъ Русскимъ и екатеринославскимъ помѣщикомъ.

[2]) Повѣсть *Мичманъ Поцѣлуевъ* писана въ тридцатыхъ годахъ, ссылка на давнопрошедшее время имѣетъ значеніе классической медово лепешки, которую ветупавшіе въ Плутоново царство кидали Цербер то-есть цензурному комитету. Въ тридцатыхъ годахъ въ Морскомъ ко пусѣ учился мой двоюродный братъ Николай Жилинъ, лѣтъ черезъ пя исключенный за малоуспѣшность. Когда мой дядя бралъ неудавшагос сынка изъ корпуса, съ него истребовали 17 рублей за розги, употр бленныя начальствомъ на образованіе его дѣтища. Изъ сего явствует что въ тридцатыхъ годахъ, когда Даль писалъ *Поцѣлуева*, въ Морском корпусѣ пороли чуть ли не здоровѣй прежняго, но такъ какъ бараба щики въ то время уже вовсе не могли снабжать корпусъ необходимым педагогическими пособіями, къ тому же и окрестности Петербурга обѣ няли лѣсомъ, то, чтобы казенное заведеніе не понесло убытковъ, ста короть кадетовъ на родительскій счетъ.

каждаго, кто попадался въ такъ-называемой шалости, то-есть, кого заставали за какимъ бы то ни было занятіемъ, кромѣ учебныхъ тетрадей; а кто не попадался, того оставляли въ покоѣ, разсуждая весьма основательно, что нельзя же пороть всѣхъ, поголовно; дежурный барабанщикъ, и тотъ уже не успѣвалъ припасать розогъ.

«Но Поцѣлуевъ по крайней мѣрѣ обогатилъ въ корпусѣ знаніе русскаго языка, и вотъ вамъ цѣлый списокъ новыхъ словъ, принятыхъ и понятныхъ въ морскомъ корпусѣ; читайте и отгадывайте: бадяга, бадяжка и т. д. [1]) Поцѣлуевъ кромѣ того научился безпрекословно повиноваться всякому *старику*, то-есть старому кадету, въ широкихъ, собственныхъ брюкахъ, въ затяжкѣ, въ портупейкѣ или ременномъ поясочкѣ съ мѣднымъ наборомъ и левиками. Въ классахъ было много кадетовъ, и каждымъ заниматься учителямъ было недосужно; поэтому они требовали, чтобы кадеты по крайней мѣрѣ сидѣли тихо, не шумѣли и не кричали; и смирный по неволѣ считался прилежнымъ.

«Итакъ собственно кадетская жизнь оставила въ Поцѣлуевѣ немного поэтическихъ воспоминаній; но какъ онъ былъ за то счастливъ и доволенъ, когда *вышелъ* въ гардемарины и *пошелъ* на плоскодонномъ фрегатѣ до Красной-Горки! Тяжеленько мальчику сидѣть изъ году въ годъ за рѣшеткой—неминуемая участь всѣхъ тѣхъ, у кого нѣтъ родныхъ или сострадательныхъ знакомыхъ въ столицѣ. И какъ отрадно за то подышать воздухомъ на свободѣ, быть гребцомъ, марсовымъ, понимать и слушать команду вахтеннаго и чувствовать себя полезнымъ и нужнымъ на своемъ мѣстѣ—отдать

---

1) Затѣмъ слѣдуютъ 34 слова кадетскаго жаргона, перечисленныя во время сочиненія повѣсти не по записи, а по памяти, какъ сказывалъ Владиміръ Ивановичъ. Записи начинаются съ Зимогорскаго Яма, въ мартѣ 1819 года, какъ будетъ сказано ниже.

брамъ-фалъ,взять кливеръ на гитовы, по командѣ, или даже спустить за-словомъ флагъ или гюйсъ, объѣдаться изюмомъ, орѣхами, пряниками, всегдашнею морскою провизіей гардемариновъ, ходить въ рабочей, измаранной смолою рубахѣ, подпоясавшись портупейкой, въ фуражкѣ на ремешкѣ или цѣпочкѣ, чтобъ ее не сорвало вѣтромъ; купаться, кататься на гребномъ суднѣ, не ходить цѣлый мѣсяцъ въ классы и двигать руки и ноги на свободѣ... О! это знаетъ только тотъ, кто это испыталъ!

«Но послѣ одного раздольнаго и разгульнало мѣсяца слѣдуетъ одиннадцать однообразныхъ, затворническихъ Малодушіе опять беретъ верхъ. И засыпая и просыпаясь, трехъ-кампанецъ досчитывается уже по пальцамъ дня или по крайней мѣрѣ мѣсяца выпуска. Легко сказать, вольный казакъ-офицеръ, самъ себѣ господинъ, въ эполетахъ, съ саблей, никто не смѣетъ высѣчь — легко сказать, а воля ваша, голова закружится отъ этого внезапнаго перехода. Право, не мудрено что многіе въ неистовой, необузданной радости своей, кидаются въ крайности и распоряжаются, какъ новые неопытные хозяева свободою своею довольно дурно.»

Въ морскомъ корпусѣ Владиміръ Ивановичъ пробылъ до 17-ти лѣтняго возраста. Понятно, что при той методѣ воспитанія, какою руководились Горковенко и его помощники, нельзя было ожидать, чтобы будущій составитель монументальнаго *Словаря живаго великорусскаго языка* вынесъ изъ корпуса какія-либо полезныя свѣдѣнія по части русскаго языкознанія. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать важнымъ пріобрѣтеніемъ знаніе словъ кадетскаго жаргона. За то онъ вынесъ изъ корпуса другое, имѣвшее свое вліяніе на предстоявшія впослѣдствіи ему занятія въ разработкѣ русскаго языка. По словамъ В. И. Даля, ему, еще ребенку, всегда казалось страннымъ, отчего это люди, полу-

чившіе образованіе, говорятъ по-русски не такъ, какъ говорятъ простолюдины. Еще болѣе ему странно было то, что рѣчь простолюдиновъ съ ея своеобразными оборотами всегда почти отличалась краткостью, сжатостью, ясностью, опредѣлительностью и въ ней было гораздо больше жизни, чѣмъ въ языкѣ книжномъ и въ языкѣ, которымъ говорятъ образованные люди. И онъ полюбилъ народную рѣчь можно сказать еще съ младенчества. «Еще въ корпусѣ, говоритъ онъ, полусознательно замѣчалъ я, что та русская грамматика, по которой учили насъ съ помощію розогъ и серебряной табатерки, ни больше ни меньше, какъ вздоръ на вздорѣ, чепуха на чепухѣ. Конечно, я тогда не могъ еще понимать, что русской грамматики и до сихъ поръ не бывало, что та чепуха которую зовутъ «русскою грамматикой» составлена на чужой лад
всѣми Петровскими преобразова
неизслѣдованный въ его
ца и втиснули в
кимъ клеем

Таково было убѣжденіе Даля о русской грамматикѣ. Оно не оставляло его съ ранней молодости до кончины. Когда подобныя рѣчи говаривалъ Даль, будучи мичманомъ или военнымъ лѣкаремъ, на нихъ можно было не обращать вниманія, но когда слова эти произнесены такимъ знатокомъ русскаго языка, какъ Даль, на склонѣ дней его, послѣ 50-ти-лѣтнихъ почти трудовъ надъ *Словаремъ живаго великорусскаго языка*, для составленія котораго потребовалась бы цѣлая академія и цѣлое столѣтіе, надъ сказаннымъ стоитъ призадуматься. У насъ была Россійская Академія, есть теперь Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, у насъ во всѣхъ университетахъ и равныхъ имъ заведеніяхъ существуютъ каѳедры русскаго языка и словесности, во всѣхъ училищахъ, начиная съ гимназій и кончая сельскими учителями, учатъ русскому языку. А есть ли у насъ грамматика? И можно ли въ самомъ дѣлѣ [illegible] натянутую какъ въ тюремную [illegible] въ латинскія [illegible] своеобычный,

прищепа разнороднаго сѣмени, должно усохнуть и отвалиться, давъ просторъ дичку, коему надо расти на своемъ корню, на своихъ сокахъ и сдобриться холей и уходомъ, а не насадкой сверху. Если и говорится, что голова хвоста не ждетъ, то наша голова или наши головы умчались такъ далеко куда-то въ бокъ, что едва ли не оторвались отъ туловища; а коли худо плечамъ безъ головы, то не корыстно же и головѣ безъ тула. Примѣняя это къ нашему языку, сдается будто головѣ этой приходится либо оторваться вовсе и отвалиться, либо опомниться и воротиться. Говоря просто, мы увѣрены, что русской рѣчи предстоитъ одно изъ двухъ: либо испошлѣть до нельзя, либо образумясь своротить на иной путь, захвативъ притомъ съ собою всѣ покинутые въ торопяхъ запасы. Взгляните на Державина, на Карамзина, на Крылова, на Жуковскаго, Пушкина и на нѣкоторыхъ нынѣшнихъ даровитыхъ писателей, не ясно ли, что они избѣгали чужерѣчій, что старались каждый по своему писать чистымъ русскимъ языкомъ? А какъ Пушкинъ цѣнилъ народную рѣчь нашу, съ какимъ жаромъ и усладою онъ къ ней прислушивался, какъ одно только кипучее нетерпѣніе заставляло его въ то же время прерывать созерцанія свои шумнымъ взрывомъ одобреній и острыхъ замѣчаній и сравненій. Этому я не разъ былъ свидѣтелемъ... Пришла пора подорожить народнымъ языкомъ и выработать изъ него языкъ образованный. Народный языкъ былъ доселѣ въ небреженіи, только въ самое послѣднее время стали на него оглядываться, и то какъ будто изъ одной снисходительности и любознательности. Одни воображали, что могутъ сами составить языкъ; другіе, вовсе не заботясь объ изученіи своего языка, брали готовыя слова со всѣхъ языковъ, гдѣ и какъ попало, да переводили дословно чужіе обороты рѣчи, безсмысленные на нашемъ языкѣ, понятные только тому, кто читаетъ

нерусскою думою своею между строкъ, переводя читаемое мысленно на другой языкъ. Знаю, что за мнѣніе это составителю *Словаря* не сдобровать. Какъ смѣть говорить, что языкъ, коимъ пишутъ оскорбленные такимъ приговоромъ писатели,—языкъ не русскій? Да развѣ можно писать мужицкою рѣчью Далева *Словаря*, отъ котораго издали несетъ дегтемъ и сивухой или по крайности квасомъ, кислой овчиной и банными вѣниками? Нѣтъ, языкомъ грубымъ и необразованнымъ писать нельзя, это доказали всѣ рѣшавшіеся на такую попытку; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы должно было писать такимъ языкомъ, какой мы себѣ сочинили, распахнувъ ворота настежъ на западъ, надѣвъ фракъ и заговоривъ на всѣ лады кромѣ своего, а изъ этого слѣдуетъ только, что у насъ нѣтъ еще достаточно обработаннаго языка, и что онъ долженъ выработаться изъ языка народнаго. Другаго равнаго ему источника нѣтъ. Если же мы въ чаду обаянія сами отсѣчемъ себѣ этотъ источникъ, насъ постигнетъ засуха, и мы вынуждены будемъ растить и питать свой родной языкъ чужими соками, какъ дѣлаютъ растенія чужеядныя. Пусть же всякъ своимъ умомъ разсудитъ, что изъ этого выйдетъ... мы отдѣлимся вовсе отъ народа, разорвемъ послѣднюю съ нимъ связь, мы испошлѣемъ еще болѣе въ рѣчи своей, убьемъ и погубимъ послѣднія нравственныя силы свои въ этой упорной борьбѣ съ природой и вѣчно будемъ тянуться за чужимъ, потому что у насъ не станетъ ничего своего, ни даже своей самостоятельной рѣчи, своего роднаго слова. Не трудно подобрать нѣсколько пошлыхъ рѣчей или поставить слово въ такой связи и положеніи, что оно покажется смѣшнымъ или пошлымъ, и спросить, отряхивая бѣлыя перчатки, этому ли намъ учиться у народа? Но не гаерствуя, никакъ нельзя оспаривать истины, что живой народный языкъ, сберегшій въ жизненной свѣжести

духъ, который придаетъ языку стойкость, силу, ясность, цѣлость и красоту, долженъ послужить источникомъ и сокровищницей для развитія образованной, разумной русской рѣчи, взамѣнъ нынѣшняго языка нашего, каженника... Что выйдетъ изъ рѣчи нашей, если мы пойдемъ зря и безъ оглядки этимъ путемъ? Не пони мая ни русской рѣчи, ни другъ друга, станемъ людьми безъ рѣчей, безсловесными, или же поневолѣ будемъ объясняться по-французски».

Рѣзкія, но правдивыя, суровой истины преисполненныя рѣчи! Въ комъ не замерло народное русское чувство, въ комъ не измельчала и не опошлилась до конца душа русская, тотъ призадумается надъ этими предсмертными словами Даля.

II.

Въ концѣ царствованія императора Александра I русскій флотъ былъ въ упадкѣ. Наши корабли совершали плаваніе только по «Маркизовой лужѣ», какъ называли тогдашніе моряки Финскій заливъ, по имени морскаго министра маркиза де-Траверсе, котораго признавали главнымъ виновникомъ паденія того учрежденія, которое было любимымъ дѣтищемъ Петра Великаго. Далю однако посчастливилось: еще будучи гардемариномъ, сходилъ онъ не только до Красной Горки, какъ поминаетъ въ своемъ *Мичманѣ Поцѣлуевѣ*, но и въ Копенгагенъ. Тамъ съ прочими русскими офицерами и гардемаринами, онъ былъ удостоенъ приглашенія къ бѣденному столу Датскаго короля. Не стану передавать разказовъ Даля о томъ, какъ онъ провелъ нѣсколько часовъ во дворцѣ королей своихъ дѣдовъ; упомяну о другомъ, болѣе для насъ важномъ, разказѣ его о пребываніи въ Даніи. «Когда я плылъ къ берегамъ Даніи,

говаривалъ онъ, меня сильно занимало то, что увижу я отечество моихъ предковъ, *мое* отечество. Ступивъ на берегъ Даніи, я на первыхъ же порахъ окончательно убѣдился, что отечество мое Россія, что нѣтъ у меня ничего общаго съ отчизною моихъ предковъ. Нѣмцевъ же я всегда считалъ народомъ для себя чуждымъ»[1]).

По свидѣтельству товарища Даля по Морскому Корпусу, Д. И. Завалишина, Владиміръ Ивановичъ еще будучи кадетомъ занимался литературой. Онъ писалъ стихи, и тогда уже въ своихъ сочиненіяхъ старался избѣгать иностранныхъ словъ и несвойственныхъ русской рѣчи выраженій и оборотовъ. Въ корпусѣ лучшіе гардемарины задавали другъ другу разсужденія по разнымъ предметамъ[2]). Марта 2-го 1819 года В. И. Даль выпущенъ изъ Морскаго Корпуса мичманомъ въ Черноморскій флотъ, двѣнадцатымъ по старшинству изъ 86. Чрезъ нѣсколько дней онъ оставилъ Петербургъ. Ему было тогда 17 лѣтъ и четыре мѣсяца.

Морознымъ вечеромъ, въ мартѣ 1819 года, по дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, тогда еще не только не желѣзной, но и не каменной, на парѣ почтовыхъ

---

1) В. И. Даль произведенъ въ гардемарины въ 1816 году, то-есть пятнадцати лѣтъ отъ роду. Чинъ гардемарина считался въ то время офицерскимъ. Въ Копенгагенъ ходило двѣнадцать гардемариновъ, въ томъ числѣ Даль. Бутеневъ, Лихонинъ, убитый въ Турецкую войну, декабристъ Д. И. Завалишинъ, П. М. Новосильскій, въ послѣдствіи директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій, а потомъ цензоръ, Н. И. Синицынъ, потомъ директоръ Ришельевскаго лицея, П. С. Нахимовъ, герой Синопа и Севастополя. Гувернеромъ при гардемаринахъ въ этой морской компаніи былъ капитанъ-лейтенантъ князь С. А. Ширинскій-Шихматовъ (въ послѣдствіи аѳонскій инокъ Аникита). Онъ очень любилъ Даля и высказалъ сожалѣніе, что онъ принадлежалъ къ лютеранскому закону. «Хорошій ты человѣкъ, другъ мой Даль, жаль только что Нѣмецъ!» говаривалъ онъ ему. Во время плаванія къ Датскимъ берегамъ гардемарины обязаны были вести записки. Даль очень жалѣлъ, что его записки не сохранились.

2) *Московск. Вѣдом.* 1872, № 267. «Замѣтки по поводу некролога В. И. Даля». Д. И. Завалишина.

лошадей, ѣхалъ молоденькій мичманъ. Мичманская одежда, съ иголочки, плохо его грѣла. Молоденькій мичманъ жался въ саняхъ. Ямщикъ изъ Зимогорскаго Яма (дѣло было въ Новгородской губерніи) поглядѣлъ на небо и въ утѣшеніе продрогшему до костей моряку указалъ на пасмурнѣвшее небо—вѣрный признакъ перемѣны къ теплу.

— Замолаживаетъ!—сказалъ онъ.

По-русски сказано, а мичману слово ямщика не вразумѣлось.

— Какъ замолаживаетъ? спросилъ онъ.

Ямщикъ объяснилъ значеніе незнакомаго мичману слова. А тотъ, несмотря на морозъ, выхватываетъ изъ кармана записную книжку и окоченѣвшими отъ холода руками пишетъ:

«Замолаживать—иначе пасмурнѣть—въ Новгородской губерніи значитъ заволакиваться тучками, говоря о небѣ, клониться къ ненастью»...

Эти строки, написанныя на морозѣ въ 1819 году (онѣ сохранялись у Даля), были зародышемъ того колоссальнаго труда, который ученому міру извѣстенъ подъ названіемъ *Толковаго словаря живаго великорусскаго языка*.

Съ тѣхъ поръ съ каждымъ днемъ книжка пополнялась. Записывались областныя слова, особенные обороты народной рѣчи, пословицы, поговорки, прибаутки. Лѣтъ черезъ десять книжка превратилась въ нѣсколько толстыхъ увѣсистыхъ тетрадей, исписанныхъ мелкимъ, бисернымъ почеркомъ Даля.

Въ Черноморскомъ флотѣ, куда Владиміръ Ивановичъ назначенъ былъ на службу по выпускѣ изъ Морскаго Корпуса, онъ пробылъ не больше трехъ лѣтъ. Здѣсь постигла его невзгода, имѣвшая вліяніе на дальнѣйшее поприще службы. Живя въ Николаевѣ, онъ хотя по собственному сознанію, высказанному въ авто-

біографіи, не бралъ книги въ руки, а больше шатался съ ружьемъ по степи, продолжалъ однако тщательно собирать народныя слова, записывать пѣсни, сказки, пословицы, и за то прослылъ въ своемъ кружкѣ «сочинителемъ». Даль, какъ упоминаетъ онъ въ *Мичманѣ Поцѣлуевѣ*, пописывалъ и стихи въ Николаевѣ. Случилось что про одну еврейку, пользовавшуюся особеннымъ покровительствомъ тогдашняго командира Черноморскаго флота вице-адмирала Грейга, написано было хоть не очень складное, но мѣтко попавшее въ цѣль стихотвореніе. Горячо вступившійся за милую дщерь Израиля посѣдѣлый адмиралъ захотѣлъ во что бы ни стало узнать имя дерзкаго, что осмѣлился пошутить надъ усладою позднихъ дней его... Кому же написать стихи?.. Разумѣется «сочинителю». Дѣло кончилось тѣмъ, что мичманъ Даль волей-неволей долженъ былъ оставить Черноморскій флотъ и перейти на службу въ Балтійскій. Съ 1823 года онъ поселился въ Кронштадтѣ.

Года черезъ полтора Владиміръ Ивановичъ совсѣмъ оставилъ морскую службу. Онъ не видѣлъ въ ней ничего для себя привлекательнаго, — въ такомъ упадкѣ была она въ то печальное для русскаго флота время. Кромѣ того, по словамъ Д. И. Завалишина, во флотѣ совершались страшныя злоупотребленія, особенно по хозяйственному управленію, что въ послѣдствіи, какъ извѣстно, было раскрыто формальнымъ слѣдствіемъ. Въ то время надо было имѣть особенное призваніе къ морской службѣ, чтобъ оставаться въ ней не по необходимости. Къ тому же эти самыя злоупотребленія, избѣжать столкновенія съ которыми было невозможно, требовали или рѣшимости на отважную и упорную борьбу съ ними, къ чему Даль, по его собственнымъ словамъ, не имѣлъ ни средствъ, ни расположенія, или пассивнаго подчиненія и уживчивости съ нимъ, къ чему

Даль былъ неспособенъ [1]) Напрасны были попытки Даля перейти въ инженеры, въ артиллеристы, даже просто въ армейскіе офицеры. Онъ вынужденъ былъ подать въ отставку и, снявъ мичманскій мундиръ, отправился въ Дерптъ, гдѣ поселилась овдовѣвшая мать его для воспитанія младшаго своего сына. Здѣсь Владиміръ Ивановичъ, 20-го января 1826 года, поступилъ въ студенты медицинскаго факультета. Подъ особеннымъ руководствомъ профессора хирургіи Мойера, онъ слушалъ курсъ врачебныхъ наукъ, вмѣстѣ съ Пироговымъ и Иноземцевымъ, находившимися тогда въ профессорскомъ институтѣ, учрежденномъ при Дерптскомъ университетѣ.

Даль не кончилъ еще полнаго курса врачебныхъ наукъ, какъ въ 1828 году вспыхнула Турецкая война. Въ полковыхъ врачахъ тогда крайне нуждались, ибо за Дунаемъ наши войска встрѣчены были двумя врагами—Турками и чумою. Въ 1828 году сдѣлано было распоряженіе всѣхъ казеннокоштныхъ университетскихъ студентовъ, годныхъ къ военно-медицинской службѣ, немедленно выслать въ дѣйствующую армію. Для Даля, какъ получившаго во время неполнаго курса необычайно обширныя познанія, сдѣлано было исключеніе. Ему дозволено было держать экзаменъ на степень доктора медицины; онъ явился на экзаменъ, и съ честію выдержалъ экзаменъ на доктора не только медицины, но и хирургіи. Марта 29-го 1829 года онъ поступилъ въ военное вѣдомство и зачисленъ во 2-ю дѣйствующую армію.

Прибывши въ армію, Владиміръ Ивановичъ назначенъ былъ въ главную квартиру ординаторомъ при подвижномъ госпиталѣ и постоянно находился на глазахъ у главнокомандующаго графа Дибича-Забалкан-

---

[1]) *Московскія Вѣдомости* 1872, № 267. Статья Д. И. Завалишина

скаго. Въ это время запасъ его для *Словаря* значительно увеличился. «Живо хватая на лету родные рѣчи, слова и обороты, говоритъ Даль въ предисловіи къ *Словарю*, когда они срывались съ языка въ простой бесѣдѣ, гдѣ никто не чаялъ соглядатая и лазутчика, этотъ записывалъ ихъ. И вотъ записки выросли до такого объема, что при бродячей жизни стали угрожать требованіемъ для себя особой подводы». Въ 1829 году, у Даля накопилось столько записокъ, что для имущества его потребовался вьючный верблюдъ. И вдругъ, перехода за два до Адріанополя, въ военной суматохѣ верблюдъ пропалъ. «Я осиротѣлъ, пишетъ Даль, съ утратою своихъ записокъ, о чемоданахъ съ одежей мы мало заботились. Къ счастью, казаки отбили гдѣ-то верблюда и черезъ недѣлю привели его въ Адріанополь» [1]). Такимъ образомъ начало русскаго *Словаря* было избавлено отъ турецкаго плѣненія.

Даль часто разказывалъ, какъ обогащалъ онъ запасы свои областными словами и мѣстными оборотами рѣчи. «Нигдѣ это не было такъ удобно какъ въ походахъ», говаривалъ онъ. «Бывало на дневкѣ гдѣ-нибудь соберешь вокругъ себя солдатъ изъ разныхъ мѣстъ, да и начнешь разспрашивать, какъ такой-то предметъ въ той губерніи зовется, какъ въ другой, въ третьей; взглянешь въ книжку, а тамъ ужъ цѣлая вереница областныхъ реченій». Преимущественно въ Турецкомъ да Польскомъ походахъ, по словамъ Владиміра Ивановича, изучилъ онъ нашъ языкъ со всѣми его говорами.

Чтобы показать до какой степени Даль изучилъ мѣстные говоры, достаточно разказать слѣдующее: Владиміръ Ивановичъ не любилъ бывать въ большихъ обществахъ, на балахъ, вечерахъ и обѣдахъ, но находясь на службѣ иногда долженъ былъ являться на

---

1) *Толковый словарь живаго великорусскаго языка*, т. I, стр. 3.

офиціальныхъ обѣдахъ и т. п. Однажды онъ былъ на такомъ обѣдѣ въ загородномъ домѣ. Пріѣхавъ по нѣкоторому недоразумѣнію въ приглашеніи на дачу рано, онъ засталъ хозяевъ еще въ суетѣ и хлопотахъ. Дѣло было лѣтомъ. Чтобы не мѣшать хозяевамъ онъ вышелъ въ палисадникъ, а тутъ за рѣшетчатымъ заборомъ собралось нѣсколько нищихъ и сборщиковъ на церковное строенье. Впереди всѣхъ стоялъ бѣлокурый, чистотѣлый монахъ, съ книжкою въ черномъ чахлѣ съ нашитымъ желтымъ крестомъ. Къ нему обратился Даль.

— Какого, батюшка, монастыря?

— Соловецкаго, родненькій,—отвѣчалъ монахъ.

— Изъ Ярославской губерніи?—сказалъ Даль, зная что «родимый», «родненькій» одно изъ любимыхъ словъ ярославскаго простолюдина.

Монахъ смутился и поникшимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Нѣту-ти, родненькій, тамо-ди въ Соловецкомъ живу.

— Да еще изъ Ростовскаго уѣзда, сказалъ Владиміръ Ивановичъ.

Монахъ повалился въ ноги...

— Не погубите!..

Оказалось что это былъ бѣглый солдатъ, отданный въ рекруты изъ Ростовскаго уѣзда и скрывавшійся подъ видомъ соловецкаго монаха.

Во время десятилѣтняго пребыванія въ Нижегородской губерніи В. И. Даль собралъ множество матеріаловъ для географическаго указанія распространенія разныхъ говоровъ. Нижегородская губернія въ этомъ отношеніи представляетъ замѣчательное разнообразіе. Въ ней, какъ впрочемъ и вездѣ, по говорамъ можно добраться до историческаго такъ-сказать наслоенія народностей, то-есть можно замѣтить, гдѣ остались первобытные русскіе насельники, гдѣ поселились Новго-

родцы, Сѣверяне, Бѣлоруссы, и пр., гдѣ живетъ русское нынѣ племя, бывшее прежде въ однихъ мѣстахъ Мордвою, въ другихъ Горною Черемисою, въ третьихъ Черемисою Нагорною. Когда я былъ начальствующимъ статистическою экспедиціей въ Нижегородской губерніи, какъ членовъ экспедиціи, пріѣхавшихъ со мной изъ Петербурга, такъ и губернскихъ чиновниковъ, находившихся въ личномъ моемъ распоряженіи, я познакомилъ съ Владиміромъ Ивановичемъ, и они въ его домѣ встрѣчили самый радушный пріемъ. Въ 1852 и 1853 годахъ мы объѣхали всѣ 3,700 населенныхъ мѣстностей губерніи, собирая свѣдѣнія по программѣ, составленной мною и Н. А. Милютинымъ, подъ главнымъ руководствомъ Надеждина. И меня, и каждаго изъ членовъ предъ каждою поѣздкой Владиміръ Ивановичъ просилъ записывать въ каждой деревнѣ говоры. «А главное, говаривалъ онъ, оканье, аканье, цоканье, чваканье» и т. д. Изъ этого у него накопился значительный матеріалъ, собранный уже послѣ напечатанія замѣчательной статьи Даля *О нарѣчіяхъ русскаго языка*[1]). Въ нѣсколькихъ селеніяхъ Лукояновскаго уѣзда, членомъ экспедиціи Н И. Зайцевскимъ замѣчено было дзяканье, господство послѣ *а* звука *у*, замѣняющаго *о*, *в* и даже *л*, произношеніе предлога *съ* какъ *зъ*, обращеніе двугласныхъ (ѣ, я, ю) въ твердыя гласныя (а, у) и измѣненіе буквъ *г*, *к*, въ косвенныхъ падежахъ на *з* и *ц*[2]).

— Это Бѣлоруссы. Это таже Мензелинская шляхта,

---

1) *Вѣстникъ Императорскаго Географическаго Общества* 1852 года, книжка 5. Перепечатана безъ прибавленій въ предисловіи къ *Толковому Словарю*.

2) Дзяканье: *дзядя* (дядя), *дцянуть* (тянуть) и т. п. Господство *у*: *ваўкъ* (волкъ) и пр. *Трабуха* вмѣсто требуха, *кручокъ* вмѣсто крючокъ. *Ёнъ лёцъ* — онъ лжетъ. *У сороци на хвистъ* — у сороки на хвостѣ.

В. И. Даль, съ портрета кисти Перова.

сказалъ Владиміръ Ивановичъ, и просилъ меня порыться въ архивахъ.

Архивы были тогда у меня подъ рукой. Поискали и нашли что въ XVII столѣтіи, при царѣ Алексѣ Михайловичѣ, въ нынѣшнемъ Лукояновскомъ уѣздѣ, равно какъ въ Мензелинскѣ и другихъ мѣстахъ, была поселена *Литва*, то-есть, собственно говоря Бѣлоруссы. Тутъ объяснилось и то, что дзякающихъ Лукояновцевъ окрестные жители зовутъ «панами», а иногда «панскими».

III.

Только-что воротился Даль съ богатымъ запасомъ *Словаря* изъ турецкаго похода, какъ привелось ему идти въ новый походъ, противъ возмутившихся поляковъ. Онъ былъ дивизіоннымъ врачомъ въ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ, находившемся подъ командой генералъ-адъютанта (въ послѣдствіи графа) Ридигера. Въ іюлѣ 1831 года, когда князь Паскевичъ уже обложилъ Варшаву, Ридигеръ находился въ значительномъ отъ нея разстояніи, на правомъ берегу Вислы, и спѣшилъ прикрыть главную нашу армію съ тылу и съ боку. Польскій генералъ Ромарино былъ предъ тѣмъ отправленъ изъ Варшавы съ двѣнадцати-тысячнымъ войскомъ для истребленія русскаго корпуса барона Розена, но, не успѣвъ въ томъ, былъ преслѣдуемъ самъ Розеномъ и наступалъ на Ридигера. Легкіе польскіе отряды, подъ командой Завадскаго и другихъ, то-и-дѣло безпокоили нашъ корпусъ. Ридигеръ подходитъ къ правому берегу Вислы у мѣстечка Юзефова,— моста нѣтъ: поляки предъ тѣмъ сожгли его. У Ридигера ни одного инженера. Опасность неминучая. Даль, расположившій въ то время своихъ больныхъ и раненыхъ въ опустѣломъ винокуренномъ заводѣ, сто-

явшемъ на берегу рѣки подлѣ Юзефова, увидѣлъ неподалеку пустыя бочки и предложилъ генералу устроить мостъ и перевести отрядъ на противоположный берегъ. Ридигеръ согласился. Надо было прежде всего устроить на правомъ берегу мостовое укрѣпленіе и потомъ занять лѣвый берегъ, находившійся въ рукахъ поляковъ. Іюля 17-го, Даль лично управлялъ десантомъ при занятіи непріятельскаго берега Вислы противъ мѣстечка Юзефова. Затѣмъ приступилъ онъ къ постройкѣ моста. Понтоновъ не было: онъ употребилъ бочки, плоты, лодки и паромы, и навелъ необыкновенный мостъ сначала у Юзефова, а потомъ въ другой разъ у мѣстечка Казимержа. [1]) Наше войско перешло черезъ эти мосты. Когда послѣдніе русскіе солдаты вступали на тотъ берегъ Вислы, отрядъ Завадскаго внезапно напалъ на мостовыя укрѣпленія. Даль съ отборною командой 2-го сентября былъ оставленъ Ридигеромъ для уничтоженія моста въ слѣдъ за отступающими нашими войсками... Завадскій подошелъ къ мосту, и поляки вступили на него. Впереди шло нѣсколько офицеровъ, весело разговаривая. Даль подошелъ къ нимъ и объявилъ, что больные и раненые съ врачами и лазаретною прислугой остались въ винокуренномъ заводѣ, но что онъ вполнѣ увѣренъ въ ихъ безопасности, потому что война идетъ съ христіанами, съ людьми просвѣщенными. Офицеры обнадеживаютъ Даля въ безопасности больныхъ, а сами подвигаются впередъ, весело разговаривая съ русскимъ лѣкаремъ. За ними вступаютъ на мостъ передовые люди отряда. Подходя къ серединѣ моста, Даль ускорилъ шаги, прыгнулъ на одну бочку, гдѣ заранѣе

[1]) Описаніе этого моста съ чертежами было впослѣдствіи напечатано особою брошюрой въ Петербургѣ, въ типографіи Грéча. Она теперь составляетъ библіографическую рѣдкость. Брошюра была переведена на французскій языкъ и напечатана въ Парижѣ.

былъ припасенъ остро наточенный топоръ Разрубивъ нѣсколькими ударами топора главные узлы канатовъ, связывавшихъ постройку, онъ бросился въ воду. Бочки, лодки, паромы понесло внизъ по Вислѣ, мостъ расплылся. Подъ выстрѣлами поляковъ Даль доплылъ до берега и былъ встрѣченъ восторженными кликами нашего войска. Гарнизонъ мостоваго укрѣпленія, наша артиллерія и вагенбургъ были спасены отъ неминуемой гибели, а польскому корпусу Ромарино отрѣзана дорога въ Краковское и Сендомирское воеводство, куда онъ стремился по взятіи русскими Варшавы.

«Когда происходили мостовыя работы говаривалъ Владиміръ Ивановичъ, мы 26 августа слышали сильную канонаду. Наши брали Варшаву. Мнѣ въ тотъ день было не по себѣ, тоска какая-то напала... То было предчувствіе. Однимъ изъ слышанныхъ нами выстрѣловъ былъ смертельно пораженъ любимый братъ мой Левъ, служившій въ артиллеріи.»

Въ формулярный списокъ Владиміра Ивановича Даля вписано слѣдующее засвидѣтельствованіе генералъ-адъютанта Ридигера:

«По совершенному недостатку при корпусѣ генералъ-адъютанта Ридигера инженерныхъ офицеровъ, онъ (Даль) имѣлъ отъ него (Ридигера) порученіе завѣдывать построеніемъ черезъ рѣку Вислу моста на плотахъ, лодкахъ, паромахъ и бочкахъ. Іюля 17-го (1831 года) лично управлялъ десантомъ при занятіи непріятельскаго берега Вислы противъ мѣстечка Юзефова; находился при спускѣ и наведеніи моста вновь при мѣстечкѣ Казимержѣ и при внезапномъ нападеніи отряда Завадскаго на мостовыя укрѣпленія. Сентября 2-го дня былъ оставленъ съ отборною командою для уничтоженія моста вслѣдъ за отступающими войсками нашими, что́ и успѣлъ исполнить благополучно, несмотря на то что былъ окруженъ непріятелемъ,

вступавшимъ уже на самый мостъ, и симъ самымъ спасъ гарнизонъ мостоваго укрѣпленія, равно артиллерію и вагенбургъ, отъ неминуемой гибели, и отрѣзалъ польскому генералу Ромарино, преслѣдуемому генераломъ барономъ Розеномъ, дорогу и убѣжище въ Краковское и Сандомирское воеводства.»

Что же получилъ въ награду нашъ инженеръ-самоучка за такой подвигъ, за спасеніе войска? Строгій выговоръ начальства за то, что взявшись не за свое дѣло, оставилъ постъ при лазаретѣ и покинулъ находившихся на его попеченіи больныхъ и раненыхъ въ рукахъ непріятеля. Этимъ, по словамъ покойнаго Владиміра Ивановича, онъ былъ обязанъ баронету Вилье, недоброжелательство котораго къ даровитымъ подчиненнымъ такъ ярко очерчено въ запискахъ лейбъ-медика Тарасова, недавно напечатанныхъ. [1]) Въ послѣдствіи, когда императоръ Николай Павловичъ изъ донесенія главнокомандующаго князя Паскевича, основаннаго на рапортѣ генерала Ридигера, узналъ о подвигѣ Даля, онъ наградилъ его Владимірскимъ крестомъ съ бантомъ.

По окончаніи польской компаніи, Владиміръ Ивановичъ поступилъ ординаторомъ въ Петербургскій военно-сухопутный госпиталь. Здѣсь онъ трудился неутомимо и вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность замѣчательнаго хирурга, особенно же окулиста. Онъ сдѣлалъ на своемъ вѣку болѣе сорока однихъ операцій снятія катаракты, и всѣ вполнѣ успѣшно. Замѣчательно, что у него лѣвая рука была развита настолько же, какъ и правая. Онъ могъ лѣвою рукой и писать, и дѣлать все, что угодно, какъ правою. Такая счастливая способность особенно пригодна была для него, какъ оператора. Самые знаменитые въ Петербургѣ

---

1) *Русская Старина*, издаваемая г. Семевскимъ, 1872.

операторы приглашали Даля въ тѣхъ случаяхъ, когда операцію можно было сдѣлать ловчѣе и удобнѣе лѣвою рукой.

Даль дѣлался уже медицинскою знаменитостью Петербурга, и хотя былъ вполнѣ русскимъ, но благодаря нерусскому прозванію, пользовался сочувствіемъ и доброжелательствомъ врачей нѣмцевъ, владычествовавшихъ тогда въ петербургской медицинѣ и ревниво охранявшихъ свою практику и свои доходы отъ врачей русскаго происхожденія. Въ это самое время проникло въ Россію ученіе Ганемана, и въ Петербургѣ появилось нѣсколько гомеопатовъ. Аллопаты встревожились и осыпали Даля почетомъ и благодарностями, когда онъ смѣло выступилъ противъ Ганемановой системы, и въ блистательныхъ статьяхъ опровергалъ ее.

Въ это время В. И. Даль вступилъ уже въ дружескія отношенія ко многимъ изъ лучшихъ писателей того времени; въ томъ числѣ къ Алексѣю Алексѣевичу Перовскому, попечителю Харьковскаго учебнаго округа, автору романа *Монастырка*, повѣстей *Черная курица*, *Двойникъ* и др., извѣстному въ литературѣ подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго. Перовскій былъ поклонникъ гомеопатіи и сказалъ однажды Далю: «чѣмъ спорить теоретически, отчего не испытать вамъ гомеопатическаго способа лѣченія на практикѣ?» Даль послѣдовалъ его совѣту, и вскорѣ сдѣлавшись горячимъ приверженцемъ гомеопатіи выступилъ съ новыми статьями въ ея защиту. Необычайная тревога поднялась въ медицинскомъ лагерѣ. Далю невозможно стало оставаться на службѣ, тѣмъ болѣе, что совѣсть уже не дозволяла ему заниматься дѣломъ, въ которое онъ больше не вѣрилъ,—и притомъ какимъ еще дѣломъ, отъ котораго зависитъ жизнь многихъ людей? Несмотря на то, что не было

у него никакого состоянія, онъ вышелъ въ отставку и совершенно оставилъ медицинскую практику, кромѣ хирургической. Были и другія обстоятельства, заставившія прямодушнаго и правдиваго Даля покинуть военно-медицинскую службу, какъ разсказываетъ однокашникъ и близкій къ нему человѣкъ, декабристъ Д. И. Завалишинъ: [1])

«Злоупотребленія и непріятности, отъ которыхъ онъ отчасти бѣжалъ изъ флота, встрѣтили Даля и въ медицинской карьерѣ. Изъ множества разсказанныхъ имъ мнѣ случаевъ, приведу одинъ очень характеристическій, чтобы показать до какой степени даже невольно приходилось ему вступать въ столкновенія съ медицинскимъ своимъ начальствомъ. Начальство это требовало, напримѣръ, чтобы мѣсячныя вѣдомости о больныхъ въ лазаретахъ и при полкахъ доставлялись ему непремѣнно къ первому числу слѣдующаго мѣсяца. Соображаясь съ этимъ, Даль, когда ему пришлось въ первый разъ отправлять рапорты, закончилъ вѣдомости больныхъ 25-мъ числомъ. Для составленія бумагъ начальнику, при тогдашнихъ средствахъ сообщенія, и для собранія свѣдѣній, нужно было не менѣе четырехъ или пяти дней. Даль получилъ за свои первыя вѣдомости строгое замѣчаніе и приказаніе доводить ихъ непремѣнно до 1-го числа. Въ слѣдующій разъ онъ такъ и сдѣлалъ; но естественно, что къ начальству бумаги могли дойти не ранѣе 4-го или 5-го числа. Тогда онъ получилъ строжайшій выговоръ, съ приказаніемъ доставлять вѣдомости непремѣнно къ 1-му числу. На это онъ въ рапортѣ объяснилъ несовмѣстимость этихъ требованій, изъ которыхъ одно непремѣнно исключаетъ возможность исполнить другое. За этимъ объясненіемъ по-

---

[1]) *Московскія Вѣдомости* 1872 года № 267.

слѣдовалъ выговоръ еще строже съ угрозами и съ вопросомъ, какъ онъ смѣетъ не подчиняться тому правилу, которое исполняется всѣми другими? Даль отвѣчалъ, что ему неизвѣстно, имѣютъ ли другіе даръ знать напередъ за пять дней, сколько у нихъ будетъ больныхъ и какими болѣзнями, но что онъ такого дара не имѣетъ, и потому составляя вѣдомости до 1-го числа онъ можетъ лишь сдавать пакеты ночью въ канцелярію для отправки, какъ только успѣетъ подвести итоги; если же будутъ давать ему несовмѣстимыя приказанія и за невозможность исполнить присылать выговоры, то онъ перенесетъ дѣло на апелляцію къ высшему начальству. Только послѣ этого его оставили въ покоѣ, но по службѣ доказали, что случая этого не забыли. Все это возмущало, конечно, правдивость молодаго Даля. Впослѣдствіи, впрочемъ, Даль видѣлъ, какъ онъ разсказывалъ, что даже высшіе администраторы, и притомъ имѣвшіе еще репутацію добросовѣстныхъ, произвольно составляли вѣдомости такъ, какъ имъ было нужно, безъ всякаго уваженія къ системѣ.

IV.

Еще въ Дерптѣ познакомился Даль съ Жуковскимъ. [1]) Въ Петербургѣ это знакомство перешло въ тѣсную дружбу. Дружба съ Жуковскимъ сдѣлала Даля другомъ Пушкина, сблизила его съ Воейковымъ,

---

1) Въ то время когда В. И. Даль учился въ Дерптскомъ университетѣ, тамъ преподавалъ русскую словесность А. Ѳ. Воейковъ (авторъ *Дома Сумасшедшихъ*, потомъ редакторъ *Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду*), женатый на сестрѣ Жуковскаго Александрѣ Андреевнѣ. Жуковскій жилъ вмѣстѣ съ сестрой въ Дерптѣ до самаго того времени какъ былъ назначенъ воспитателемъ царствующаго нынѣ Государя Императора.

Языковымъ, Анною Зонтагъ (рожденная Юшкова) Дельвигомъ, Крыловымъ, Гоголемъ, кн. Одоевскимъ, съ братьями Перовскими. Въ 1830 году, вскорѣ по возвращеніи изъ турецкаго похода, В. И. Даль напечаталъ первую свою литературную «попытку» въ *Московскомъ Телеграфѣ* Полеваго. [1]) Возвратясь изъ Польши и распростясь съ медициной, онъ совершенно выступилъ на литературное общество. Началъ онъ русскими сказками. «Не сказки сами по себѣ были мнѣ важны, писалъ онъ впослѣдствіи, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода—сказка послужила предлогомъ. Я задалъ себѣ задачу познакомить замляковъ своихъ сколько-нибудь съ народнымъ языкомъ и говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ». Предупреждая мысль, будто онъ ставитъ свои сказки въ примѣръ слога и языка, Даль прибавляетъ: «Сказочникъ хотѣлъ только на первый случай показать небольшой образчикъ—и право не съ казоваго конца—образчикъ *запасовъ*, о которыхъ мы мало или вовсе не заботимся, между тѣмъ *какъ рано или поздно безъ нихъ не обойтись*.» [2])

Таковъ же былъ взглядъ Даля и на всѣ его повѣсти и разсказы. Въ нихъ имѣлъ онъ въ добавокъ цѣлію изобразить черты народнаго быта въ неподдѣльномъ его видѣ. Не забудемъ, что до разсказовъ Даля русскій простолюдинъ выводился или въ видѣ *пейзана*, чуть не съ розовымъ вѣночномъ на головѣ, какъ у Карамзина и его подражателей, или въ грязномъ каррикатурномъ видѣ, какъ у Булгарина. Въ то

---

1) См. предисловіе ко 2-му тому *Сочиненій Владиміра Даля*. .—Петербургъ 1861.

2) *Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ*, статья В. И. Даля, напечатанная въ *Москвитянинѣ* 1842, часть 1, стр. 549 и 550.

время не было еще ни *Мертвыхъ Душъ* Гоголя, ни *Записокъ Охотника* Тургенева.

Цѣль — показать образчикъ запасовъ народнаго языка — которую Даль постоянно преслѣдовалъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, иногда вредитъ имъ въ художественномъ отношеніи. Нанизывая слово за́ словомъ изъ народнаго языка, пословицу за пословицей, поговорку за поговоркой, Даль не заботится, что это идетъ прямо въ ущербъ художественности произведенія. Но онъ никогда и не считалъ себя художникомъ. «Это не моихъ рукъ дѣло, говаривалъ онъ въ откровенныхъ бесѣдахъ, иное дѣло выкопать золото изъ скрытыхъ рудниковъ народнаго языка и быта, и выставить его міру на показъ; иное дѣло передѣлать выкопанную руду въ изящныя издѣлія. На это найдутся люди и кромѣ меня. Всякому свое.»

И дѣйствительно, золотою рудой, да еще въ видѣ самыхъ крупныхъ самородковъ, должно считать *Словарь* Даля, его разсказы, его повѣсти, сказки собранныя имъ, пѣсни, пословицы, поговорки, прибаутки, повѣрья и т. п. У каждаго русскаго писателя, если хочетъ онъ писать чистымъ и притомъ живымъ русскимъ языкомъ, труды Даля должны быть настольными книгами.

Первыя сказки, въ числѣ пяти, Даль издалъ въ 1833 году, назвавъ себя *Казакомъ Луганскимъ*, потому что дился въ казачьей землѣ, въ мѣстечкѣ Луганѣ. [1])

---

1) *Русскія сказки. Первый пятокъ.* Казака Луганскаго. Нынѣ чрезвычайная библіографическая рѣдкость. Въ этомъ первомъ пяткѣ заключаются слѣдующія сказки: 1) *О Иванѣ молодомъ сержантѣ, удалой головѣ, безъ роду, безъ племени, спроста безъ прозвища.* Посвящена «милымъ сестрамъ моимъ Павлѣ и Александрѣ»; 2) *О Шемякиномъ судѣ и воеводствѣ и о прочемъ, была когда-то быль, а нынѣ сказка будничная.* Посвящена Карлу Христофоровичу Кнорре; 3) *О*

Онѣ встрѣчены были съ восторгомъ всѣми лучшими писателями того времени; особенно Пушкинъ былъ отъ нихъ въ восхищеніи. Подъ вліяніемъ перваго пятка сказокъ Казака Луганскаго, онъ написалъ лучшую свою сказку—*О рыбакѣ и золотой рыбкѣ*, и подарилъ Владиміру Ивановичу ее въ рукописи съ надписью: «Твоя отъ твоихъ! Сказочнику казаку Луганскому, сказочникъ Александръ Пушкинъ».

Иначе взглянули на только-что выступившаго на литературное поприще Казака Луганскаго другаго разряда писатели. Булгаринъ нашелъ ихъ грязными, неприличными, и свое усердіе о приличіяхъ простеръ за приличную черту. Въ одной изъ Далевскихъ сказокъ нѣкоторыя выраженія были перетолкованы въ дурную сторону. [1]) Раннимъ утромъ, когда Даль об-

---

Роговольдѣ и Могучанѣ царевичахъ, равно и о третьемъ единоутробномъ ихъ братѣ, о славныхъ подвигахъ и дѣяніяхъ ихъ и о новомъ княжествѣ и княженіи. Посвящена Катенькѣ Мойеръ и Машенькѣ Зонтагъ; 4) *Новинка-диковинка или невиданное чудо, несмысленное диво.* Посвящена Н. Языкову и всѣмъ товарищамъ нашимъ профессорскаго института при Дерптскомъ университетѣ; 5) *О похожденіяхъ чорта-послушника, Сидора Поликарповича, на морѣ и на сушѣ, о неудачныхъ соблазнительныхъ попыткахъ его и объ окончательной пристройкѣ его по части письменной.* Посвящена однокашникамъ моимъ Павлу Михайловичу Новосильскому и Николаю Ивановичу Синицыну. Первый пятокъ *Сказокъ* Даля перепечатанъ въ VIII томѣ *Собранія* его сочиненій 1861 года. Кнорре, которому посвящена вторая сказка, пріятель Даля, былъ астрономомъ при обсерваторіи въ Николаевѣ. Катенька Мойеръ - дочь дерптскаго профессора-хирурга, Іоганна Христіана Мойера, у котораго учился Владиміръ Ивановичъ. Машенька Зонтагъ—дочь извѣстной писательницы для дѣтей Анны Зонтагъ, урожденной Юшковой, родственницы Жуковскаго, жившей въ Дерптѣ, когда тамъ учился Даль. Н. И. Языковъ—извѣстный поэтъ. Новосильскій былъ въ послѣдствіи директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ, директоромъ хозяйственнаго отдѣленія Святѣйшаго Синода, а подъ конецъ жизни цензоромъ Петербургскаго цензурнаго комитета. Н. И. Синицынъ былъ въ послѣдствіи директоромъ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ.

[1]) *Сочиненія Владиміра Даля* изд. 1861, т. VIII, стр. 4 и 5: «Въ нѣкоторомъ царствѣ за тридесятымъ государствомъ, жилъ былъ царь Дадонъ, Золотой Кошель. У этого царя было великое множество под-

ходилъ палаты больныхъ, явились въ военно-сухопутный госпиталь жандармы, взяли его и отвезли къ статсъ-секретарю А. И. Мордвинову, управлявшему тогда третьимъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Тотъ встрѣтилъ его самыми обидными, самыми оскорбительными площадными словами, оборвалъ что называется, и посадилъ подъ арестъ, объявивъ, что это дѣлаетъ онъ по Высочайшему повелѣнію. Даль и самъ не зналъ, какъ объ этомъ провѣдали Жуковскій, бывшій уже тогда воспитателемъ Государя Наслѣдника, и находившійся тогда въ Петербургѣ дерптскій профессоръ Парротъ, близкій человѣкъ къ императору Александру I и уважаемый императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Онъ полюбилъ Даля, когда еще тотъ былъ дерптскимъ студентомъ. И Жуковскій и Парротъ ходатайствовали предъ государемъ о Далѣ. Жуковскій объяснилъ, что слова сказки, навлекшія бѣду на автора, выражаютъ

властныхъ князей: князь Панкратій, князь Климъ, князь Кондратій, князь Трофимъ, князь Игнатій, князь Евдокимъ, много другихъ такихъ же и сверхъ того правдолюбивые, сердобольные министры; фельдмаршалъ Кашинъ, генералъ Дюжинъ, губернаторъ графъ Чихирь-Пяташная-Голова, да строеваго боеваго войска Иванъ молодой сержантъ, удалая голова, безъ роду-племени, спроста безъ прозвища... Царь этотъ царствовалъ, какъ медвѣдь въ лѣсу: дуги гнетъ, гнетъ не паритъ, переломитъ не тужитъ. Онъ послушалъ правдолюбивыхъ и сердобольныхъ своихъ совѣтниковъ, приказалъ немедленно отобрать отъ Ивана молодаго сержанта удалой головы, безъ роду безъ племени, спроста безъ прозвища—всѣ документы царскіе, чины, ордена, злато-чеканныя медали, и пошло ему опять жалованье солдатское, простое, житье плохое, и стали со дня на день налегать на него болѣе вельможи, бояре царскіе, стали клеветать, обносить, оговаривать...» Указано было еще на то, что въ сказкѣ *О похожденіяхъ чорта послушника Сидора Поликарповича*, во-первыхъ чортъ названъ именемъ православнаго христіанина, а во-вторыхъ, что военная и морская служба оказалась для самого чорта столь тягостною, что онъ бѣжалъ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. По указанію Булгарина, говаривалъ В. И. Даль, обидѣлись Пяташныя Головы, сбидѣлись и алтынныя, оскорбились и такія головы, которымъ цѣна была цѣлая гривна безъ вычета.

вовсе не то, что́ о нихъ доложили. Вечеромъ того же дня Даля освободили изъ-подъ ареста, и статсъ-секретарь Мордвиновъ разсыпался предъ нимъ въ самыхъ изысканныхъ любезностяхъ. «Это, какъ всегда говаривалъ Даль, больше всего поразило меня въ тотъ черный день». Любезный статсъ-секретарь на прощаньѣ подалъ освобожденному арестанту руку. Не отвѣчая ни слова на любезности, Даль руки не подалъ, отвернулся и ушелъ. Это ему не сошло даромъ.

Черезъ нѣсколько времени между кантонистами въ разныхъ городахъ развилось египетское воспаленіе глазъ. Послѣдовало Высочайшее повелѣніе командировать лучшаго окулиста для обзора госпиталей въ военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ. Выборъ палъ на Даля. Командировка эта на долгое время отвлекла бы его отъ практики, имъ еще не покинутой и не представляла въ будущемъ ничего пріятнаго. Къ тому же Владиміръ Ивановичъ въ то время собирался жениться. [1]) Но нечего дѣлать—служба. Долженъ былъ покориться участи, устроенной баронетомъ Вилье и Мордвиновымъ, сталъ собираться въ путь. Вдругъ нежданная перемѣна. Вмѣсто Даля послали другаго. Въ послѣдствіи лейбъ-медикъ Арендъ сказывалъ Владиміру Ивановичу, что когда столь доброжелательный

---

[2]) На дѣвицѣ Юліи Андре. Отъ нея Владиміръ Ивановичъ имѣлъ сына Льва Владиміровича (род. 1834 въ Оренбургѣ, теперь одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ архитекторовъ и при томъ археологъ) и дочь Юлію Владиміровну (скончалась въ Римѣ 1863 года, двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду). Оба лютеранскаго закона. Во второй разъ Владиміръ Ивановичъ женился въ Оренбургѣ на Екатеринѣ Львовнѣ Соколовой (скончалась въ Москвѣ 9-го февраля 1872 года), дочери помѣщика Бирскаго уѣзда, Уфимской (тогда Оренбурской) губерніи. Отъ нея Владиміръ Ивановичъ имѣлъ трехъ дочерей—Марью, Ольгу и Екатерину. Средняя замужемъ за нижегородскимъ помѣщикомъ П. А. Демидовымъ (служитъ товарищемъ прокурора Московскаго окружнаго суда), старшая и младшая—дѣвицы.

къ нему баронетъ Вилье доложилъ о назначеніи въ командировку Даля, императоръ Николай сказалъ ему: «Даля нельзя, назначить другаго, а то онъ можетъ подумать, что его усылаютъ за сказки». Владиміръ Ивановичъ всегда съ чувствомъ умиленія разказывалъ о такомъ тонкомъ и деликатномъ отзывѣ императора Николая Павловича, ярко обрисовывающемъ прекрасную его душу.

Происшествіе съ первыми сказками Даля имѣло впрочемъ вліяніе на судьбу его. Оно отвлекло Владиміра Ивановича отъ готовившейся ему педагогической дѣятельности въ томъ самомъ университетѣ, гдѣ самъ онъ получилъ образованіе. Въ то время, въ Дерптѣ, по выходѣ Воейкова, не было профессора русскаго языка и словесности. Парротъ, состоявшій тогда, кажется ректоромъ университета, былъ въ Петербургѣ, и на праздную каѳедру приглашалъ Даля, уже получившаго извѣстность знатока русскаго языка. Даль съ охотой согласился на такое предложеніе тѣмъ болѣе, что въ то время начиналъ уже входить въ разладъ съ медициной. Но встрѣтилось препятствіе. Хотя Владиміръ Ивановичъ и былъ докторомъ, но не того факультета; по филологическому онъ не имѣлъ не только ученой степени, но и званія дѣйствительнаго студента. По совѣщаніи настойчиваго Паррота съ княземъ Ливеномъ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, дѣло однако улаживалось. Вмѣсто экзамена на ученую степень филологическаго факультета, Даль долженъ былъ представить свои *Русскія сказки* и кромѣ того прочитать двѣ пробныя лекціи въ Петербургскомъ университетѣ. Все было готово, какъ вдругъ разразилась надъ кандидатомъ въ профессоры буря изъ-за тѣхъ самыхъ сказокъ, которыя онъ долженъ былъ представить. Хотя дѣло, какъ мы видѣли, и обошлось благополучно, но князь Ливенъ признавалъ неудобнымъ, чтобы Далемъ представлено было то самое сочиненіе, изъ-за

котораго вышла непріятная исторія, произведшая переполохъ и въ одобрившемъ книгу цензурномъ комитетѣ, находившемся въ его вѣдомствѣ. Пошли переговоры. Парротъ между тѣмъ уѣхалъ въ Дерптъ. Дѣло тѣмъ и кончилось.

Въ 1833 году Даль оставилъ медицинскую практику и службу въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ. Братъ его друга, Антона Погорѣльскаго, главный начальникъ Оренбургскаго края, В. А. Перовскій, пригласилъ его къ себѣ на службу, и Владиміръ Ивановичъ, оставивъ Петербургъ, отправился на берега Урала.

V.

Самыми близкими людьми къ Далю, до отъѣзда его въ Оренбургъ и послѣ того, были Жуковскій, Пушкинъ и князь Одоевскій. Въ концѣ 1836 года, онъ съ В. А. Перовскимъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и черезъ мѣсяцъ схоронилъ одного изъ этихъ друзей.

Въ то время, когда все было поражено преждевременною и столь печальною гибелью Пушкина, когда всѣ знавшіе и не знавшіе его лично, самые даже иностранцы толпились въ передней умиравшаго и по набережной Мойки, узнавать о ходѣ болѣзни, Даль всѣ трое сутокъ мученій Пушкина ни на минуту не оставлялъ его страдальческаго ложа. Послѣднія слова князя русскихъ писателей были обращены къ Далю... Даль принялъ послѣдній вздохъ дорогаго всей Россіи человѣка... Даль закрылъ померкшія очи закатившагося солнца русской поэзіи.

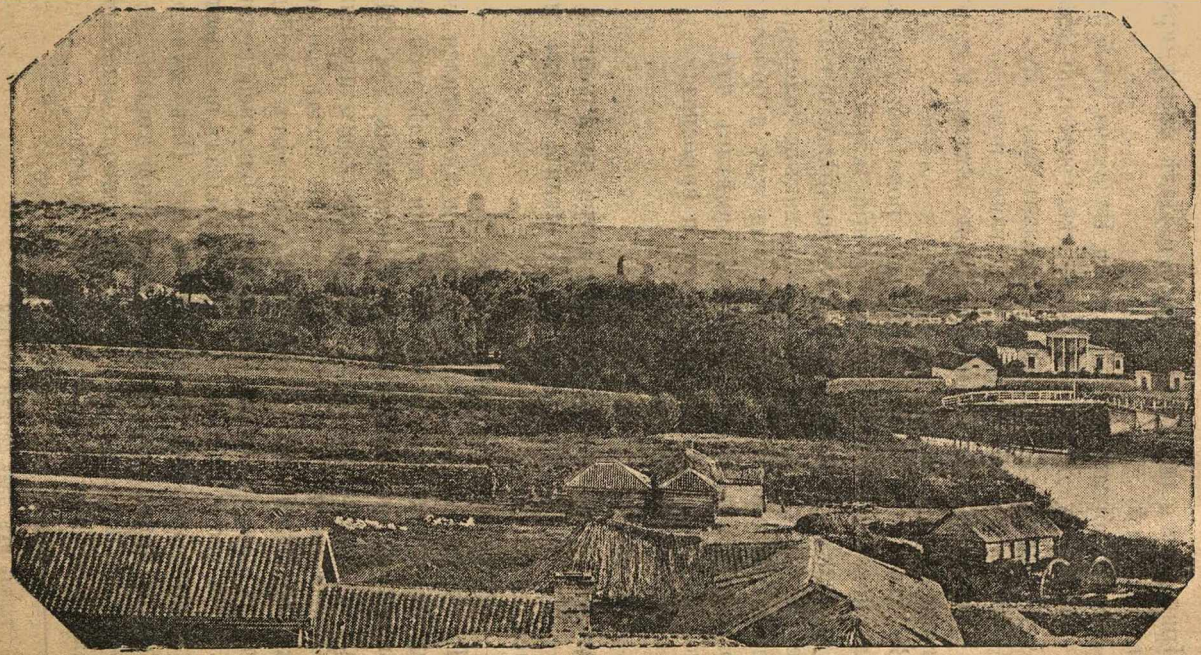
Извѣстно, что Пушкинъ былъ нѣсколько суевѣренъ. Онъ носилъ на большомъ пальцѣ перстень съ изумрудомъ, называя его своимъ талисманомъ, и никогда не скидалъ его, говоря друзьямъ, что если онъ сниметъ этотъ перстень хоть на минуту, божественный даръ

поэзіи его покинетъ... Когда Пушкинъ узналъ, что нѣтъ надежды, что должно ему умереть, онъ скинулъ перстень и надѣлъ его на руку Даля. Этотъ перстень Владиміръ Ивановичъ носилъ до смерти на той рукѣ, которая написала *Словарь живаго великорусскаго языка*... Не задолго до смерти, Пушкинъ услыхалъ отъ Даля, что шкурка, которую ежегодно сбрасываютъ съ себя змѣи, называется по-русски *выползина*. Ему очень понравилось это слово, и нашъ великій поэтъ среди шутокъ, съ грустью сказалъ Далю: «Да, вотъ мы пишемъ, зовемся тоже писателями, а половины русскихъ словъ не знаемъ!.. Какіе мы писатели? Горе, а не писатели! За то по-французски такъ насъ взять — мастера́». На другой день Пушкинъ пришелъ къ Далю въ новомъ сюртукѣ. «Какова выползина!» сказалъ онъ смѣясь своимъ веселымъ, звонкимъ, искреннимъ смѣхомъ. «Ну изъ этой выползины я не скоро выползу. Въ этой выползинѣ я такое напишу, что и ты не оха́ешь, не отыщешь ни одной французятины»[1]). Что въ эти минуты занимало мысли великаго поэта, это скрыла отъ насъ тайна смерти: черезъ нѣсколько дней Пушкина не стало. Случилось же такъ, что Пушкинъ былъ раненъ въ этомъ самомъ сюртукѣ. И когда въ предсмертной борьбѣ отдалъ онъ Далю свой талисманъ, дрожащимъ, прерывающимся голосомъ примолвилъ: «Выползину тоже возьми себѣ». Этотъ сюртукъ съ дырою отъ пули на правой полѣ долго хранился у Даля. Онъ передалъ его М. П. Погодину, у котораго онъ долго хранился подъ бюстомъ Пушкина[2]).

---

[1]) Такъ называлъ онъ галицизмы и чужерѣчія, вводимыя въ русскій языкъ.

[2]) Я слышалъ отъ М. П. Погодина предположеніе его: когда будетъ воздвигнутъ въ Москвѣ памятникъ Пушкину, внизу его, въ приличномъ вмѣстилищѣ, положить этотъ сюртукъ, какъ реликвію великаго поэта, на память грядущимъ поколѣніямъ русскихъ людей.

Городъ Луганскъ, гдѣ родился В. И. Даль.

Приведемъ слова Жуковскаго о Далѣ при умиравшемъ Пушкинѣ.

— Худо, братъ, мнѣ,—сказалъ Пушкинъ съ улыбкою вошедшему Далю. Но Даль, дѣйствительно имѣвшій болѣе другихъ надежды, отвѣчалъ ему:

— Мы всѣ надѣемся, не отчаивайся и ты.

— Нѣтъ, возразилъ онъ, здѣсь не житье; я умру, да видно такъ и надо.

Въ это время пульсъ его былъ ровнѣе и тверже, началъ показываться небольшой общій жаръ. Поставили піявки[3]), пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гораздо легче. Я ухватился, говорилъ Даль, какъ за соломинку, робкимъ голосомъ провозгласилъ надежду и обманулъ было и себя и другихъ. Пушкинъ, замѣтивъ, что Даль былъ пободрѣе, взялъ его за руку и спросилъ:

— Никого тутъ нѣтъ?

— Никого.

— Даль, скажи мнѣ правду, скоро ли я умру?

— Мы за тебя надѣемся, Пушкинъ, право надѣемся.

— Ну спасибо,—отвѣчалъ онъ.

Но повидимому только однажды и обольстился онъ утѣшеніемъ надежды; ни прежде, ни послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ. Почти всю ночь (на 29-е число; эту ночь всю Даль просидѣлъ у его постели) онъ продержалъ Даля за руку, часто бралъ по ложечкѣ воды или по крупинкѣ льда въ ротъ и всегда все дѣлая самъ: снималъ стаканъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ накладывалъ на животъ припарки, самъ ихъ перемѣнялъ и пр. Онъ мучился менѣе отъ боли, нежели отъ чрезмѣрной тоски.

— Ахъ, какая тоска!—иногда восклицалъ онъ, закидывая руки на голову:—сердце изнываетъ.

---

[3]) Ставилъ ихъ Даль своими руками.

Тогда просилъ онъ, чтобы подняли его или повоpотили на бокъ или поправили ему подушку и не давалъ кончить этого, останавливая обыкновенно словами:

— Ну, такъ, такъ, хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно, теперь очень хорошо! — или: — Постой — не надо — потяни меня только за руку; ну вотъ и хорошо и прекрасно. — Все это точныя его выраженія.

Вообще, говоритъ Даль, въ обращеніи со мной онъ былъ повадливъ и послушенъ, какъ ребенокъ, и дѣлалъ все, чего я хотѣлъ. Однажды онъ спросилъ у Даля.

— Кто у жены моей?

Даль отвѣчалъ:

— Много добрыхъ людей принимаютъ въ тебѣ участіе, зала и передняя полны съ утра до вечера...

— Ну спасибо, отвѣчалъ онъ, однакоже поди, скажи женѣ, что все слава Богу легко; а то ей тамъ пожалуй наговорятъ...

Послалъ Даля ободрить жену надеждою, Пушкинъ самъ не имѣлъ никакой. Однажды спросилъ онъ который часъ, и на отвѣтъ Даля продолжалъ прерывающимся голосомъ:

— Долго ли... мнѣ... такъ мучиться?.. Пожалуйста... поскорѣй...

— Терпѣть надо, другъ, дѣлать нечего, — сказалъ ему Даль, — но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ прерывчиво, — нѣтъ... не надо... стонать... жена услышитъ... смѣшно же... чтобъ этотъ... вздоръ меня... пересилилъ... не хочу...

Мысли его были свѣтлы; изрѣдка только полудремотное забытье отуманивало ихъ. Разъ онъ подалъ руку Далю и пожимая ее проговорилъ:

— Ну подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше.. ну пойдемъ!

Но очнувшись онъ сказалъ:

— Мнѣ было пригрезилось, что я съ тобой лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ, высоко... и голова закружилась.

Немного погодя онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку и, поднявъ ее, сказалъ:

— Ну пойдемъ же пожалуйста, да вмѣстѣ.

Даль по просьбѣ его взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше. И вдругъ какъ будто проснувшись, онъ быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось, и онъ сказалъ:

— Кончена жизнь.

Даль, не разслышавъ, отвѣчалъ:

— Да, конечно, мы тебя поворотили.

— *Жизнь* кончена,—повторилъ онъ внятно и положительно.—Тяжело дышать, давитъ.

Это были послѣднія слова Пушкина. Всѣ надъ нимъ молчали. Минуты черезъ двѣ я (Жуковскій) спросилъ:

— Что онъ?

— Кончено,—отвѣчалъ Даль[1])

VI.

Къ восьми годамъ (съ 1833 по 1841) пребыванія Владиміра Ивановича въ Оренбургскомъ краѣ относится большая часть его повѣстей и разсказовъ. Къ этому же періоду времени должно отнести и главнѣйшее пополненіе запасовъ его для словаря, и собраніе народныхъ сказокъ, пословицъ и пѣсенъ. Послѣ *Пер-*

---

1) *Собраніе сочиненій* Жуковскаго, т. VI, стр. 356—361. *Послѣднія минуты Пушкина.*

ваго Пятка казакъ Луганскій продолжалъ свои сказки. Лучшіе того времени журналы дорожили честью украшать свои страницы произведеніями Даля. Съ 1834 по 1839 годъ, его сказки являются въ *Библіотекѣ для чтенія* Сенковскаго [1]). На ряду со сказками, началъ онъ писать и повѣсти изъ русскаго быта. Лучшими изъ нихъ были: *Бѣдовикъ*, *Колбасники* и *Бородачи* и *Павелъ Алексѣевичъ Игривый*, напечатанныя въ *Отечественныхъ Запискахъ*, которыя начались (въ 1839 году) первою изъ названныхъ повѣстей казака Луганскаго [2]). Живя въ Оренбургѣ Владиміръ Ивановичъ совершенно изучилъ бытъ Киргизовъ и Уральскихъ казаковъ и написалъ расказы *Бикей и Мауляна* [3]), *Майна*, *Башкирская русалка*. Сюда же пожалуй можно отнести и восточную сказку *Бараны*, напечатанную

---

[1]) Сказки Козака Луганскаго, явившіяся въ тридцатыхъ и отчасти въ сороковыхъ годахъ, были слѣдующія: 1) *Сказка про Жида воровалаго, про Цыгана бородатаго.* 2) *Сказка про Емелю-дурачка.* 3) *Сказка про Ивана-Лапотника.* 4) *Сказка о Егорьѣ Храбромъ и о волкѣ.* 5) *Сказка о ворѣ и бурой коровѣ.* 6) *Сказка о Строевой дочери и о коровушкѣ буренушкѣ.* 7) *Сказка о прекрасной царевнѣ Милонѣѣ Бѣлоручкѣ.* 8) *Сказка о нуждѣ, о счастіи и о правдѣ.* 9) *Сказка о бѣдномъ Кузьмѣ—безталанной головѣ и о переметчикѣ Будунтаѣ.* 10) *Сказка о Лисѣ Патрикѣевнѣ.* 11) *Сказка о купцѣ съ кутчихой и выкраденномъ у нихъ сынѣ.* 12) *Илья Муромецъ, сказка Руси богатырской.* 13) *Какъ себѣ живутъ Василь Васильичъ съ Марьей Васильевной.* 14) *Карай царевичъ и Булатъ молодецъ.* 15) *Кладъ, русская сказка.* 16) *Вѣдьма, украинская сказка.*

[2]) Кромѣ трехъ названныхъ повѣстей изъ русскаго быта, Владиміръ Ивановачъ Даль написалъ еще: 1) *Савелій Грабъ или Двойникъ.* 2) *Вакхъ Сидоровъ Чайкинъ.* 3) *Мичманъ Поцѣлуевъ или живучи оглядывайся.* 4) *Гофманская капля* (нѣчто въ родѣ фантастическихъ разсказовъ Гофмана—неудачная). 5) *Отецъ съ сыномъ—старая погудка на новый ладъ.* 6) *Небывалое въ былому или былое въ небываломъ.* 7) *Отставной.* 8) *Расплохъ.* 9) *Хмель, сонъ и явь* (напечатана въ *Москвитянинѣ*).

[3]) Она переведена на французскій языкъ и напечатана въ 1845 году въ Парижѣ подъ заглавіемъ *Bikey et Maolina ou les Kirghiz-Kaissaks.* Par Dhale, Traduit du russe par Folermey.

въ *Москвитянинѣ* сороковыхъ годовъ и надѣлавшую въ свое время много говора и даже переполоху между окружными начальниками и другими губернскими чиновниками вѣдомства Государственныхъ Имуществъ. Въ иллюстрированномъ сборникѣ А. П. Башуцкаго, издававшемся въ началѣ сороковыхъ годовъ подъ заглавіемъ *Наши*, В. И. Даль помѣстилъ очерки: *Уральскій казакъ*, *Чухонцы въ Питерѣ*, *Петербургскій дворникъ*, *Деньщикъ* и *Находчивое поколѣніе*. Странствованіе Даля по западному краю и южной Россіи и знакомство съ бытомъ тамошняго народа дали ему возможность написать разсказы: *Цыганка*, *Болгарка*, *Подолянка*; зоологъ и охотникъ на перо и на шерсть [1]), онъ изучалъ и нравы животныхъ. Его статьи *Медвѣдь* и *Волкъ*, напечатанныя въ сороковыхъ годахъ въ петербургскихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, представляютъ въ высшей степени замѣчательные разсказы о нравахъ и бытѣ этихъ животныхъ [2]). Относительно естественной исторіи Владиміръ Ивановичъ не ограничился этими по истинѣ мастерскими, но теперь къ сожалѣнію совершенно забытыми, затерявшимися въ старыхъ газетахъ, статьями; по вызову главнаго начальства надъ военно-учебными заведеніями, онъ написалъ превосходные учебники *Ботаники* и *Зоологіи*. Они высоко цѣнились и естествоиспытателями и педагогами; но когда въ нашихъ гимназіяхъ ввели преподаваніе естественной исторіи, учебники Даля почему-то обошли, предпочитая имъ жалкія руководства, которыми неумѣлые педагоги набивали мальчикамъ головы. Что изданія Владиміра Ивановича Даля по части естественной исторіи, были труды серьезные, довольно

---

1) Охотничьи выраженія—охота на птицъ и на звѣря.

2) Въ *Собраніи сочиненій Даля*, С.-Петербургъ 1861, этихъ статей нѣтъ.

сказать, что онъ былъ избранъ Академіею Наукъ въ члены-корреспонденты по первому, то-есть, физико-математическому ея отдѣленію.

Разнообразная дѣятельность Казака Луганскаго этимъ не ограничилась. Возникъ въ тридцатыхъ годахъ вопросъ о томъ, что̀ читать грамотному русскому человѣку низшихъ слоевъ общества. Даль написалъ *Солдатскіе досуги* (пятьдесятъ два разсказа и нѣсколько загадокъ). Эти *Досуги* не были похожи на искуственныя въ высшей степени, на каждомъ словѣ звучавшіе фальшивою нотой, тогдашніе разсказы генерала Скобелева, знавшаго фронтоваго солдата, но не вѣдавшаго русскаго человѣка, и притомъ не имѣвшаго ни малѣйшаго образованія, чѣмъ однако не стыдился хвастаться до цинизма. *Солдатскіе досуги* Даля не похожи были и на позднѣйшія книжки для народнаго чтенія, которыя писались и пишутся неумѣлыми руками либо изъ-за однихъ денегъ, либо съ предвзятыми тенденціями. Вскорѣ послѣ того, какъ было учреждено Министерство Государственныхъ Имуществъ, просвѣщенный министръ, хотя и съ образованіемъ на французскій ладъ, графъ П. Д. Киселевъ, сознавалъ, что мало того, чтобы выучить крестьянина грамотѣ, надо дать ему полезное и сообразное съ его понятіями чтеніе. Онъ поручилъ служившимъ при немъ князю В. Ѳ. Одоевскому и А. П. Заблоцкому-Десятовскому составить *Сельское чтеніе*. Статьи Даля: «*Не положивъ, не ищи*», «*Что знаешь, о томъ не спрашивай*», притчи: *О дѣятелѣ*, *О дубовой бочкѣ*, *Ось и чека* и пр., были лучшими украшеніями *Сельскаго чтенія*. Впослѣдствіи, уже въ пятидесятыхъ годахъ, когда Владиміръ Ивановичъ Даль находился на полупокоѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, великій князь генералъ-адмиралъ Константинъ Николаевичъ обратился къ Далю съ приглашеніемъ написать книжку для чтенія матро-

совъ. Бывшій мичманъ Черноморскаго флота, въ 1851 году, написалъ *Матросскіе досуги*, состоящіе изъ ста одиннадцати статей. И доселѣ нѣтъ въ нашей литературѣ ничего лучшаго, ничего пригоднѣе для народнаго чтенія, какъ *Солдатскіе и матросскіе досуги* и статьи *Сельскаго чтенія*, написанныя первѣйшимъ знатокомъ русскаго простонароднаго быта, Казакомъ Луганскимъ. А между тѣмъ о нихъ и помину нѣтъ.

На все былъ мастеръ Казакъ Луганскій. Пріятель его, художникъ Сапожниковъ, около 1840 года нарисовалъ десятка три каррикатуръ изъ быта петербургскихъ нѣмцевъ. Даль написалъ къ нимъ текстъ, подъ названіемъ: *Похожденія Віоль д'Амура*, напечатанный вмѣстѣ съ альбомомъ рисунковъ въ *Библіотекѣ для Чтенія*. [1]) Казалось бы, что тутъ писать, чѣмъ себя выставить? Но Казакъ Луганскій, говоримъ, на все былъ мастеръ. Конечно, его *Віоль д'Амуръ* не художественное произведеніе; но сколько и въ немъ веселаго юмора, такъ свойственнаго всѣмъ Далевымъ разсказамъ, сколько подмѣчено характерныхъ чертъ, сколько задушевности, правды!

Написалъ Казакъ Луганскій и драматическое произведеніе, *Ночь на распутіи или утро вечера мудренье*. Эта «старая бывальщина въ лицахъ» написана В. И. Далемъ по настояніямъ Пушкина. Содержаніе ея фантастическое. Тутъ, кромѣ удѣльнаго князя Вышеслава, его дочери Зори и ея жениховъ, дѣйствуютъ Домовой, Водяной, Лѣшій, Оборотень, Русалки, и всѣ они дѣйствуютъ вполнѣ по-русски, то-есть вполнѣ сообразно съ представленіями о нихъ созданными русскимъ народомъ. Въ художественномъ отношеніи *Ночь на распутіи* слаба, но она замѣчательна, какъ опытъ выставить на сцену русскій сказочный міръ. Даль разска-

[1]) Въ *Собраніи сочиненій Владиміра Даля* изд. 1861, его нѣтъ.

зывалъ, что Глинка не разъ ему говаривалъ, что послѣ *Руслана и Людмилы* онъ непремѣнно примется за *Ночь на распутіи*. И какое бы въ самомъ дѣлѣ прекрасное либретто для русской оперы, можно было сдѣлать изъ этой «старой бывальщины»[1]! Въ пятидесятыхъ годахъ, *Ночь на распутіи* была поставлена на сцѣнѣ Александрінскаго театра въ Петербургѣ. Поставлена она была въ лѣтніе мѣсяцы, разучена плохо, сыграна еще хуже, начинавшими и провинціальными актерами. Къ довершенію всего театральная дирекція сдѣлала изъ *Ночи на распутіи*, нѣчто въ родѣ балаганнаго представленія, подобно Берговскимъ на Адмиралтейской площади во время Масленицы или Святой недѣли. Сцены русалокъ на озерѣ; превращеніе оборотня въ зайца, въ полетушу, въ сороку; наводненіе покоевъ княжнаго родича Весны водою, текущею изъ волосъ похищенной русалки Порѣзвуши; Лѣшій идущій въ лѣсу вровень съ деревьями, а полемъ вровень съ травою; круженіе утопленниковъ и утопленницъ въ воздухѣ надъ озеромъ; Водяной съ русалками затопляющіе лѣсъ и пр.,—все это дирекція могла бы, еслибы захотѣла, поставить великолѣпно, но она поставила въ такой степени безобразно, что глядя на сцену, не вѣрилось, что сидишь въ Императорскомъ театрѣ, а не въ ярмарочномъ балаганѣ странствующихъ фокусниковъ. Театральная дирекція, ухлопавшая около того времени тысячъ сто на постановку безобразной оперы Верди *Сила судьбы*, едва ли пять рублей израсходовала на постановку *Ночи на распутіи*. Піеса разумѣется пала. Если къ тому прибавить, что *Ночь на распутіи* была поставлена на сцену не только безъ согласія автора, жившаго тогда въ Нижнемъ, но даже вопреки его желанію, то можно

---

[1]) Изданія канцлера графа Н. П. Румянцева.

до нѣкоторой, впрочемъ, степени составить надлежащее понятіе о степени добросовѣстности и уваженія къ отечественнымъ писателямъ тогдашней дирекціи С.-Петербургскихъ театровъ, не говоря уже о степени пониманія ею русскихъ драматическихъ произведеній. Узнавъ о постановкѣ своей *Ночи на распутіи* безъ желанія автора, В И. Даль хотѣлъ было протестовать, но какъ и кому? Притомъ же дѣло сдѣлано. Нарядивъ піесу въ балаганный костюмъ, дирекція театровъ успѣла, какъ говорится, ухлопать піесу: дѣло стало-быть непоправное. Авторъ порепталъ и постарался забыть объ этомъ.

Въ Оренбургѣ у Даля вполнѣ созрѣла мысль о составленіи *Словаря живаго великорусскаго языка*. Тамъ же принялся онъ за изученіе древнихъ памятниковъ нашей словесности. Онъ сблизился съ инспекторомъ классовъ Оренбургскаго Неплюевскаго военнаго училища, Александромъ Никифоровичемъ Дьяконовымъ, о дружбѣ съ которымъ поминаетъ въ *Напутномъ Словѣ* къ своему *Словарю*. Одинъ только Дьяконовъ оказывалъ тогда въ Оренбургѣ, по словамъ самого Даля, умное и дѣльное сочувствіе къ трудамъ его. Когда, лѣтъ черезъ десять послѣ того, я въ Нижнемъ-Новгородѣ каждый почти день бывалъ у Даля, и мы цѣлые вечера просиживали съ нимъ надъ *Актами* археографической комиссіи, надъ *Лѣтописями и Житіями святыхъ*, отыскивая въ нихъ по крохамъ старинныя слова и объясняя ихъ остатками, сохранившимися по разнымъ закоулкамъ русской земли, онъ бывало часто говаривалъ: «Вотъ точно также Александръ Никифоровичъ Дьяконовъ въ Оренбургѣ ходилъ ко мнѣ съ *Киршей Даниловымъ*, да съ *Памятниками русской словесности XII вѣка*, и точно также мы цѣлые вечера просиживали надъ ними съ покойникомъ. Изученіе старинныхъ памятниковъ утвердило тогда во мнѣ на-

мѣреніе составить *Словарь*, а то право не разъ приходило на умъ бросить всѣ запасы для него, какъ ни на что негодный хламъ. Дьконовъ поддержалъ меня. Если будетъ когда-нибудь словарь, такъ спасибо вамъ съ покойнымъ Александромъ Никифоровичемъ».

Объ этомъ В. И. Даль въ *Напутномъ Словѣ* къ своему *Словарю* такъ засвидѣтельствовалъ: «Помощниковъ въ отдѣлкѣ словаря найти очень трудно и, правду сказать, этого нельзя и требовать; надо отдать безмездно цѣлые годы жизни своей, работая не на себя, какъ батракъ. Такихъ помощниковъ или сотрудниковъ у меня и не было; мало того, по службѣ и жизни вдали отъ столицъ, даже почти не было людей, съ которыми бы можно было отвести душу и посовѣтоваться въ этомъ дѣлѣ. Въ семъ отношеніи нельзя не помянуть мнѣ однако двухъ дружески ко мнѣ расположенныхъ людей, въ коихъ я находилъ умное и дѣльное сочувствіе къ своему труду: А. Н. Дьяконова, уже покойника, инспектора корпуса въ Оренбургѣ, и П. И. Мельникова въ Нижнемъ»[1]).

Въ восемь лѣтъ жизни въ Оренбургскомъ краѣ Владиміръ Ивановичъ изъѣздилъ его весь изъ конца въ конецъ, вдоль и поперекъ. Онъ не разъ ѣзжалъ съ В. А. Перовскимъ по обѣимъ сторонамъ Урала. Онъ сопровождалъ царствовавшаго тогда Государя Императора, обозрѣвавшаго въ 1837 году Оренбургскій край. Онъ сдѣлалъ извѣстный Хивинскій походъ 1839—1840 годовъ и оставилъ вѣрное изображеніе его въ любопытныхъ письмахъ къ роднымъ и знакомымъ, напечатанныхъ лѣтъ шесть тому назадъ въ *Русскомъ Архивѣ*. Даль былъ всегда скроменъ и до крайности остороженъ. Ни однимъ словомъ не упомянулъ онъ въ этихъ письмахъ, ничѣмъ не выдалъ настоящаго виновника

---

[1]) *Толковый словарь живаго великорусскаго языка*. Томъ I, стр. XIV.

неудачи тогдашняго похода въ Хиву, но всегда и всѣмъ говаривалъ впослѣдствіи, что виновникомъ неудачи былъ командиръ кавалеріи, злобный на Россію полякъ, генералъ Ціолковскій. Воспользовавшись прямодушіемъ Перовскаго, онъ своими распоряженіями умышленно погубилъ въ снѣжной степи всѣхъ до единаго 12,000 верблюдовъ.

VII.

Послѣ Хивинскаго похода В. А. Перовскій рѣшился оставить Оренбургское генералъ-губернаторство, но заботясь о драгоцѣнномъ для себя и для службы человѣкѣ, какъ называлъ онъ Владиміра Ивановича, заблаговременно постарался его пристроить въ Петербургѣ. Братъ его Левъ Алексѣевичъ Перовскій былъ тогда товарищемъ министра удѣловъ, и Василій Алексѣевичъ просилъ его взять къ себѣ Даля. Вскорѣ по переводѣ Даля въ министерство Удѣловъ, Левъ Алексѣевичъ Перовскій, назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ за нимъ и должности товарища министра удѣловъ. Владиміръ Ивановичъ, считаясь на службѣ по удѣльному вѣдомству, съ сентября 1841 года, сдѣлался ближайшимъ сотрудникомъ и правою рукою новаго министра внутреннихъ дѣлъ, то-есть, съ самаго вступленія его въ управленіе этимъ министерствомъ, ознаменованнаго на страницахъ нашей исторіи неустанною и въ полномъ смыслѣ слова просвѣщенною дѣятельностію. Когда Перовскій получилъ графское достоинство, на гербѣ новаго графа былъ написанъ девизъ придуманный Далемъ: *Не слыть а быть*. Это—вѣрный девизъ. Онъ вполнѣ характеризуетъ министра Перовскаго. (1842—1853)

Всякій, кто зналъ министерство внутреннихъ дѣлъ во времена Перовскаго, вполнѣ согласится, что онъ

имѣлъ рѣдкую способность выбирать людей. Въ его время, на низшія даже должности въ министерствѣ опредѣляемы были неиначе, какъ кончившіе курсъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ то время, какъ въ другихъ вѣдомствахъ, недоброжелательно смотрѣли на чиновниковъ, кромѣ службы занимавшихся наукою и литературой, когда за повѣсти отправляли на службу въ Вятку[1]), а иной разъ и подальше, Перовскій любилъ окружать себя пишущими людьми, сознавалъ и открыто высказывалъ, что каждому истинно просвѣщенному министру такъ поступать необходимо. Безъ просьбъ, безъ ходатайствъ, переводилъ онъ молодыхъ людей, заявившихъ чѣмъ-нибудь себя въ наукѣ или литературѣ изъ губерній въ министерство, назначая ихъ на мѣста, которыхъ тщетно добивались кандидаты съ сильными протекціями. Онъ ходатайствовалъ предъ Государемъ о возвращеніи ученыхъ людей изъ ссылокъ и приближалъ ихъ къ себѣ, какъ напримѣръ профессора Московскаго университета Н. И. Надеждина, сосланнаго въ Устьсысольскъ за напечатаніе въ *Телескопѣ* писемъ Чадаева. Были примѣры, что канцелярскіе департаментскіе чиновники, посланные въ долгую командировку туда, гдѣ есть университеты, чтобъ обратить на себя вниманіе Перовскаго, возвращались въ Петербургъ съ дипломами на ученыя степени, другіе выдерживали кандидатскіе экзамены въ Петербургскомъ университетѣ. На суммы министерства Перовскій производилъ археологическія изысканія въ Крыму, въ новороссійскихъ губерніяхъ, въ развалинахъ Сарая, отыскивалъ мѣсто погребенія князя Пожарскаго, торговаго пути по Россіи въ доисторическую эпоху и пр. Кромѣ Надеждина, котораго приблизилъ къ себѣ съ самаго начала своего мини-

[1]) Салтыковъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Щедрина.

стерства, онъ пригласилъ на службу профессоровъ Московскаго университета: П. Г. Рѣдкина и А. И. Чивилева. При Перовскомъ служили графъ Д. Н. Толстой, В. В. Скрипицынъ, докторъ Рафаловичъ, Н. А. Жеребцовъ, баронъ А. Ѳ. Штакельбергъ, И. П. Липранди. Въ числѣ молодыхъ людей, служившихъ при Перовскомъ, были археологи—графъ А. С. Уваровъ, И. П. Сахаровъ, князь А. А. Сибирскій, этнографъ А. В. Терещенко, статистикъ А. И. Артемьевъ, оріенталисты П. С. Савельевъ, В. В. Григорьевъ, литераторы—графъ Сологубъ и только еще начинавшіе тогда—И. С. Тургеневъ, И. С. Аксаковъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, графъ А. К. Толстой, М. Н. Лонгиновъ и другіе. При немъ же находились А. В. Головнинъ и графъ Д. А. Толстой, бывшій и настоящій министры народнаго просвѣщенія, Я. В. Ханыковъ, Н. А. Милютинъ, П. А. Валуевъ, графъ А. К. Сиверсъ, А. К. Гирсъ, К. К. Гротъ, графъ Ю. И. Стейнбокъ, графъ Э. К. Чапскій и многіе другіе[1]). Но ближе всѣхъ стоялъ къ министру Владиміръ Ивановичъ Даль. Въ этомъ человѣкѣ Левъ Алексѣевичъ Перовскій нашелъ не только неутомимаго сотрудника, посвященнаго имъ во всѣ тайны гусударственной дѣятельности, но и преданнаго друга. Когда впослѣдствіи Даль удалился изъ Петербурга, графъ Перовскій, вполнѣ чувствуя столь важную потерю, писалъ ему однажды въ Нижній: «Послѣ васъ я безъ рукъ».

Даль и Надеждинъ вели самыя важныя дѣла въ министерствѣ подъ личнымъ руководствомъ самого министра, вели ихъ весьма нерѣдко помимо подлежа-

---

[1]) Благодаря дружескому расположенію Даля я самъ былъ взятъ графомъ Перовскимъ въ министерство изъ провинціальныхъ (нижегородскихъ) губернаторскихъ чиновниковъ, не бывши до того въ Петербургѣ, не просивши и не искавши мѣста, казалось бы, по прежнему и по нынѣшнему, невозможнаго для незнаемаго провинціала безъ сильныхъ протекцій... Также взятъ былъ Перовскимъ изъ Казани извѣстный статистикъ нашъ А. И. Артемьевъ и другіе.

щихъ департаментовъ. Мнѣ самому, предъ отъѣздомъ въ одну командировку, случилось выслушать такое приказаніе графа Перовскаго: «о прямой цѣли порученія никому ни слова не говорите кромѣ Даля, Надеждина и Милютина». Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ работы, исполненныя Владиміромъ Ивановичемъ, когда онъ находился при графѣ Перовскомъ. Упомяну о главнѣйшихъ. Онъ соѣставилъ дѣйствующій до нынѣ уставъ губернскихъ правленій, принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ по устройству бѣдныхъ дворянъ, и объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, составлялъ карантинныя правила[1]), по поводу возник-

[1]) Правила эти были гораздо облегчительнѣе прежнихъ, и облегченія сдѣланы по вліянію Даля. Онъ не вѣрилъ въ прилипчивость чумы, вслѣдствіе прикосновенія здороваго человѣка къ какой-либо вещи, принадлежавшей зачумленному. Онъ разсказывалъ много случаевъ, замѣченныхъ имъ во время наблюденій надъ чумою въ Турецкую кампанію 1829 года. Между прочимъ онъ сообщалъ слѣдующее: Только-что наши войска перешли Балканскія горы, въ главную квартиру графа Дибича пріѣхалъ курьеромъ одинъ офицеръ, кажется, съ береговъ Дуная. Въ главной квартирѣ чумы тогда еще не было, но въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда пріѣхалъ офицеръ, она уже развилась въ сильной степени, хотя объ этомъ не было еще извѣстно Дибичу и бывшему при немъ штабу. Курьеръ пріѣхалъ раннимъ утромъ; свѣдѣнія, привезенныя имъ, настолько были важны, что фельдмаршала разбудили, и онъ принялъ курьера въ своей палаткѣ. Пошли объясненія; Дибичъ разложилъ карту на своей постели и разсуждалъ съ прибывшимъ. Этотъ придерживалъ карту, и своими потными и запыленными руками оставилъ слѣды на подушкѣ фельдмаршала, который отпустивъ курьера, легъ спать. Курьеръ нѣсколько времени ходилъ по лагерю, раздавая штабнымъ офицерамъ привезенныя письма, пилъ съ ними чай и, наконецъ, въ одной палаткѣ легъ отдохнуть. Онъ не вставалъ болѣе: оказалось, что онъ пріѣхалъ уже зачумленный; на другой или третій день его не стало. Ни фельдмаршалъ, ни кто-либо изъ штабныхъ офицеровъ не заболѣлъ чумою, а черезъ нѣсколько дней по смерти курьера, вдругъ появилась она между солдатами въ той части лагеря, гдѣ не былъ курьеръ: привезшій, какъ думали тогда, чуму въ главную квартиру. Когда В. И. Даль находился при графѣ Л. А. Перовскомъ, по его представленію отправленъ былъ въ Константинополь, въ Сирію и Египетъ докторъ Рафаловичъ для изслѣдованія чумы на мѣстахъ сильнѣйшаго ея развитія. Его наблюденія были приняты къ соображенію при составленіи новыхъ карантинныхъ правилъ.

шихъ въ западныхъ губерніяхъ дѣлъ написалъ изслѣдованіе объ употребленіи Евреями христіанской крови. Это изслѣдованіе было напечатано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ [1]). Подъ редакціей Даля составлялись ежегодные всеподданнѣйшіе отчеты по министерству, всеподданнѣйшіе доклады и всѣ записки, предназначаемыя для внесенія въ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ. Въ 1844 году онъ написалъ по порученію графа Перовскаго чрезвычайно любопытную записку о законодательствѣ, о скопцахъ [2]), а вслѣдъ затѣмъ изслѣдованіе о скопческой ереси. Изъ печатныхъ экземпляровъ послѣдняго изъ названныхъ трудовъ уцѣлѣлъ единственный экземпляръ, подаренный Далемъ въ Чертковскую библіотеку. Когда это изслѣдованіе, написанное по Высочайшему повелѣнію, представлено было графомъ Перовскимъ государю, онъ былъ очень доволенъ и спросилъ объ имени автора.

---

1) Чрезвычайно рѣдкая книга. Одинъ экземпляръ ея находится въ Чертковской библіотекѣ, находящейся нынѣ при Московскомъ музеѣ. Книги этой было напечатано до ста экземпляровъ. Оставшіеся отъ разсылки разнымъ правительственнымъ лицамъ экземпляры ея находились у графа Л. А Перовскаго, когда онъ, оставя Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, управлялъ Министерствомъ Удѣловъ, равно какъ и экземпляры напечатанныхъ въ ограниченномъ числѣ книгъ Ю. Ѳ. Самарина: *Общественное хозяйство города Риги* и Н. И. Надеждина: *Изслѣдованіе о скопческой ереси*. Графъ Перовскій скончался въ концѣ 1856 года. Въ то время говорили, и кажется правдоподобно, что одинъ незначительный и притомъ совершенно бездарный и не свѣдущій чиновникъ, состоявшій при графѣ Л, А. Перовскомъ, для переписки неважныхъ по содержанію бумагъ, «мня службу приносити», поусердствовалъ. Онъ сжегъ всѣ эти экземпляры, хотя впрочемъ не былъ ни евреемъ, ни рижскимъ бюргеромъ, ни даже скопцомъ. Поусердствовалъ онъ на доблестномъ поприщѣ сожженія книгъ единственно изъ любви къ столь благородному исскуству.

2) Она напечатана (первая половина ея) въ IV книжкѣ *Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей* 1872 года, въ печатаемыхъ тамъ *Матеріалахъ для исторіи хлыстовской и скопческой ересей*, собранныхъ мною. Въ мое собраніе бумагъ о расколѣ вошли, между прочимъ, переданныя мнѣ покойнымъ В. И. Далемъ его бумаги по этому предмету, равно какъ и бумаги Н. И. Надеждина.

Когда же Перовскій назвалъ Даля, императоръ Николай Павловичъ поспѣшилъ освѣдомиться, какого онъ исповѣданія. Владиміръ Ивановичъ былъ лютераниномъ, и государь призналъ неудобнымъ разсылать высшимъ духовнымъ и гражданскимъ лицамъ книгу, по вѣроисповѣдному предмету написанную иновѣрцемъ. Написать новое изслѣдованіе поручено было Надеждину, который въ свой трудъ внесъ всю работу Даля.

В. И. Даль, служа при графѣ А. А. Перовскомъ, имѣлъ казенную квартиру въ томъ же домѣ у Александринскаго театра, гдѣ жилъ и самъ министръ. Всѣ знали, что̀ значитъ Даль для министра, и потому было неудивительно, что губернаторы и другія важныя лица, служившія по вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, всѣ искатели мѣстъ и наградъ, взбирались по девяноста ступенямъ въ квартиру Владиміра Ивановича; но онъ всегда былъ для нихъ невидимкой. За то всякій знатный ли незнатный ли, всякій совершенно даже безвѣстный человѣкъ, если приносилъ Казаку Луганскому нѣсколько областныхъ словъ или нѣсколько пословицъ или поговорокъ, съ самымъ теплымъ участіемъ былъ принимаемъ въ его семействѣ. Но ему тамъ и заикнуться не давали о службѣ или дѣлахъ. По четвергамъ собирался у Владиміра Ивановича кружокъ близкихъ людей: тутъ бывали академики, профессора, литераторы, художники, музыканты, моряки, артиллеристы, военные инженеры, офицеры генеральнаго штаба, все люди мысли, слова и искусства. Здѣсь-то, на этихъ четвергахъ, зародилась и выработалась мысль объ учрежденіи Русскаго Географическаго Общества, которое бы находилось въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ. Въ 1845 году графъ Перовскій исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе этого Общества, самаго дѣятельнаго изъ всѣхъ русскихъ ученыхъ обществъ, сдѣлавшаго такъ много

въ 27 лѣтъ своего существованія. Имя Владиміра Ивановича значится въ числѣ именъ его учредителей.

И въ Оренбургѣ при В. А. Перовскомъ, и въ Петербургѣ при графѣ Л. А. Перовскомъ, В. И. Даль успѣвалъ удѣлять время на веденіе записокъ обо всемъ, что происходило вокругъ него, обо всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, какъ секретарь и какъ довѣренное лицо обоихъ Перовскихъ. Какой драгоцѣнный матеріалъ для исторіи! Но ему не суждено было уцѣлѣть. Уже болѣе полутора стопъ бумаги исписано было бисернымъ почеркомъ Даля. Вслѣдъ за описаніемъ Оренбургскаго края и любопытнымъ сказаніемъ о бытѣ уральскихъ казаковъ, отбываніи ими службы, рыболовствѣ и отношеніяхъ къ Киргизамъ, въ запискахъ Даля подробно описана была Киргизская степь, помѣщено было множество разсказовъ вышедшихъ изъ Хивы русскихъ плѣнниковъ [1]), а равно и торговцевъ, посѣщавшихъ Бухару, Ташкентъ и Коканъ; разсказывалось объ экономическомъ устройствѣ Башкиръ, описанъ каждый кантонъ башкирскій. Тутъ же находилось описаніе добыванія соли на Илецкой защитѣ, золотыхъ пріисковъ около Златоуста, рыбныхъ лововъ въ Уралѣ, Эмбѣ и на Каспійскомъ морѣ; записаны всѣ происшествія, (1834—1841) случившіяся въ Оренбургскомъ краѣ, всѣ сношенія В. А. Перовскаго съ среднеазіятскими независимыми владѣтелями и въ заключеніе былъ подробно описанъ Хивинскій походъ 1839—1840 годовъ. За время съ 1842 по 1848 годъ описаны всѣ замѣчательныя происшествія въ Имперіи не только по оффиціальнымъ донесеніямъ, но и по другимъ источникамъ, тогда весьма

---

[1]) Изъ нихъ уцѣлѣли записанныя въ особыя тетрадки два разсказа: 1) плѣнника Ѳедора Ѳедоровича Грушина и 2) вышедшихъ изъ Хивы плѣнниковъ объ осадѣ Персіянами въ 1837 и 1838 годахъ крѣпости Герата. Оба помѣщены во второмъ томѣ *Собранія сочиненій В. Даля* изданія 1861 года.

доступнымъ Далю. Разсказано о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ, производившихся въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, причемъ набросана была мастерская и правдивая характеристика почти всѣхъ тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей и вообще людей въ какомъ-либо отношеніи замѣчательныхъ. Тутъ были описаны дѣла по католицизму, сношенія Россіи съ Римскимъ дворомъ, назначеніе въ епископы-номинаты минскаго архидіакона Павла Равы и каноника Гинтило, реформы въ хозяйствѣ латинскихъ монастырей, дѣйствія графа Рзудова въ Римѣ, возведеніе на армянскій патріаршій престолъ католикоса Нерсеса, еврейскія дѣла, дѣло комиссара Канарскаго въ западныхъ губерніяхъ, дѣло о расхищеніи денегъ въ Комитетѣ о раненыхъ Политковскимъ и въ Петербургской управѣ благочинія Клевенскимъ, о контрабандистахъ въ Петербургѣ, объ остзейскихъ дѣлахъ при баронѣ Паленѣ, Головинѣ и князѣ Суворовѣ, о пожарахъ и поджогахъ 1842 года, объ убійствахъ Кроткова и другихъ помѣщиковъ Симбирской губерніи крестьянами, о лжеимператорахъ Константинахъ, появлявшихся въ восточной части европейской Россіи и пр. При описаніи хода дѣлъ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ указано было на всѣ закулисныя интриги и описаны вліянія разныхъ частныхъ лицъ обоего пола. Словомъ, это была самая полная и притомъ совершенно правдивая лѣтопись за цѣлыя пятнадцать лѣтъ (1833—1848). Тутъ же были описаны и дѣла литературныя, дѣйствія нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, все что̀ дѣлалось въ Академіи Художествъ, въ театральной дирекціи и пр.

Въ 1848 году, графъ Перовскій, находившійся тогда въ сильной борьбѣ съ графами Орловымъ и Нессельроде, сказалъ однажды Далю: «До меня дошли слухи, которые могутъ быть истолкованы въ дурную сторону... Что̀ у васъ за собранія по четвергамъ и какія

записки вы пишете?» Владиміръ Ивановичъ съ полною откровенностію разсказалъ все графу Перовскому, которому записки были вполнѣ извѣстны; онъ всѣ ихъ читалъ и даже многое сообщалъ Далю для ихъ дополненій. Министръ удовольствовался объясненіемъ, но сказалъ: «Надобно быть осторожнѣе». Съ того дня четверги прекратились, а драгоцѣнныя записки погибли въ каминѣ. Впослѣдствіи Даль часто жалѣлъ объ утратѣ этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ для нашей исторіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, но всегда прибавлялъ: «Въ то тяжелое время поступить иначе мнѣ было нельзя, я долженъ былъ беречь не себя, а министра; у него тогда было много враговъ, стремившихся устранить его отъ государственной дѣятельности. Попадись тогда мои записки въ недобрыя руки, ихъ непремѣнно сдѣлали бы пунктомъ обвиненія Льва Алексѣевича».

Послѣ того утомленный служебными трудами и частыми безсонными ночами, В. И. Даль сталъ просить графа Перовскаго дать ему мѣсто управляющаго одной изъ удѣльныхъ конторъ. Перовскій и слышать не хотѣлъ объ удаленіи изъ Петербурга неутомимаго своего сотрудника и самаго преданнаго друга. Владиміръ Ивановичъ жаловался на разстройство здоровья, Перовскій отпустилъ его на цѣлое лѣто въ южныя губерніи для отдыха. Во время этого отдыха, если только можно назвать его отдыхомъ, запасы для *Словаря* еще значительно пополнились; но здоровье Даля, прежде крѣпкое, а въ Петербургѣ сильно пошатнувшееся, не поправилось. Неотступныя просьбы Даля и ходатайство В. А. Перовскаго склонили наконецъ министра на самую тяжелую, какъ выразился онъ, жертву: въ 1849 году Владиміръ Ивановичъ получилъ мѣсто удѣльнаго управляющаго въ Нижнемъ Новгородѣ.

Отношенія уѣхавшаго въ Нижній Даля къ Перов-

скому ни мало не измѣнились. Онъ былъ въ постоянной съ нимъ перепискѣ. Министръ иногда отвѣчалъ ему самъ, и кромѣ того раза по два въ мѣсяцъ П. Г. Рѣдкинъ передавалъ ему отвѣты графа, или спрашивалъ отъ его имени мнѣній по разнымъ дѣламъ, часто вовсе не относящимся до удѣльнаго управленія. Эта переписка была мнѣ извѣстна. По указанію Владиміра Ивановича я посланъ былъ графомъ Перовскимъ въ Нижегородскую губернію для ревизіи городскаго хозяйства, а потомъ и въ качествѣ начальствующаго статистическою экспедиціей, а также для изслѣдованій современнаго состоянія раскола и для производства нѣкоторыхъ слѣдственныхъ дѣлъ по особенно важнымъ случаямъ. Министромъ мнѣ было приказано во всѣхъ дѣйствіяхъ руководиться совѣтами и указаніями Даля, что впрочемъ должно было оставаться секретомъ для мѣстной администраціи. Поэтому Владиміръ Ивановичъ не таилъ отъ меня переписки съ министромъ, а впослѣдствіи даже ввелъ меня самого въ личную съ нимъ переписку, помимо оффиціальныхъ донесеній и рапортовъ. И я могу свидѣтельствовать, что графъ Левъ Алексѣевичъ постоянно выражалъ сердечную скорбь свою о томъ, что лишился въ Далѣ самаго дѣльнаго чиновника въ министерствѣ и самаго преданнаго ему человѣка. «Такихъ сотрудниковъ какъ вы, до васъ у меня не было, да и не будетъ», писалъ онъ однажды Далю.

XIII

Частые объѣзды удѣльныхъ имѣній, разбросанныхъ по всей губерніи, поправили нѣсколько разстроенное долговременною сидячею жизнію здоровье Владиміра Ивановича и значительно увеличили его запасы для *Словаря*. Мнѣ нерѣдко доводилось бывать

въ разныхъ селеніяхъ, при разгорахъ его съ крестьянами объ ихъ бытѣ, хозяйствѣ и т. п. Было чему и было у кого поучиться, какъ надо говорить съ русскимъ простолюдиномъ! И какъ любилъ народъ ласковаго, всегда справедливаго, а въ случаѣ надобности и строгаго управляющаго! Его слова для крестьянъ были закономъ не ради страха, но ради любви и довѣрія. Крестьяне вѣрить не хотѣли, чтобы Даль былъ не природный русскій человѣкъ. «Онъ ровно въ деревнѣ взросъ, на палатяхъ вскормлёнъ, на печи вспоёнъ», говаривали они про него. И какъ онъ хорошо себя чувствовалъ, какъ доволенъ былъ, когда находился среди добраго и толковаго нашего народа! «И до всякаго-то, братцы, до крестьянскаго дѣла какой онъ дотóчный», говаривали про своего управляющаго крестьяне. «Тамъ борону починилъ, да такъ, что нашему брату и не вздумать, тамъ научилъ какъ сдѣлать, чтобы съ оконъ зимой не текло, да угару въ избѣ не было, тамъ лошадь крупинками своими вылѣчилъ, а лошадь такая ужь была, что хоть въ оврагъ тащи». Эти крупинки (гомеопатическія) были всегда съ Далемъ; разъѣзжая по деревнямъ, онъ лѣчилъ и людей, и скотину. Бывало пріѣдетъ въ удѣльный приказъ, крестьяне ужь въ сборѣ, дожидаются управляющаго, а среди ихъ больные, старики, женщины, дѣти. Прежде, чѣмъ толковать о дѣлахъ, Владиміръ Ивановичъ обойдетъ больныхъ, кому сдѣлаетъ операцію, (особенно много дѣлалъ онъ глазныхъ операцій), кому дастъ врачебный совѣтъ, кому велитъ тутъ же при себѣ проглотить гомеопатическія крупинки. Будучи ревностнымъ поборникомъ гомеопатіи, онъ исходатайствовалъ у графа Перовскаго разрѣшеніе устроить въ Нижнемъ-Новгородѣ удѣльную гомеопатическую больницу и построить для нея обширный каменный домъ. Она существовала до

оставленія Далемъ должности нижегородскаго удѣльнаго управляющаго въ 1859 году.

Въ Нижнемъ свободнаго времени у него было гораздо больше, чѣмъ въ Петербургѣ. Здѣсь онь, по желанію великаго князя Константина Николаевича, написалъ свои *Матросскіе досуги*. Эта книга вмѣстѣ съ его же *Солдатскими досугами* составляетъ, какъ уже сказано, лучшее собраніе статей для народнаго чтенія. Никто лучше Даля не писалъ для народа, а между тѣмъ его *Досуги* забыты.... А какъ бы они были пригодны теперь, когда грамотность стала, благодаря Бога, распространяться въ низшихъ слояхъ народа! Здѣсь же, въ Нижнемъ, Даль возвратился къ прежней своей литературной дѣятельности. Онъ писалъ очерки русской жизни и печаталъ ихъ въ Отечественныхъ запискахъ. Такихъ очерковъ написалъ онъ ровно сто. Они занимаютъ два тома собранія его сочиненій, изданныхъ въ 1861 году. Въ предисловіи къ нимъ, или по выраженію его, въ *Напутномъ словѣ*, онъ говоритъ: «Тридцать лѣтъ тому (*Московскій Телеграфъ* 1830 года), какъ показались первыя попытки писателя, который не цѣнитъ высоко сочиненій своихъ, но полагаетъ, что они могутъ быть полезны по направленію своему и по языку, особенно позднѣйшія. Такое направленіе высказалось было въ немъ въ самомъ началѣ (*Сказки* 1833), но постороннія обстоятельства пригнели его, [1]) а общій вкусъ тогдашней письменности требовалъ *повѣстей*. По сему двоякому поводу, свойственное этому писателю стремленіе обнаружилось снова уже гораздо позже, подъ конецъ дѣятельности его, въ очеркахъ и мелкихъ разсказахъ,

---

[1]) Рѣчь идетъ о послѣдствіяхъ напечатанія *Перваго Пятка* Русскихъ сказокъ, то-есть о томъ, какъ В. И. Даль имѣлъ случай познакомиться со статсъ-секретаремъ Мордвиновымъ.

которые А. А. Краевскій назвалъ *Картинами русскаго быта*. За всѣмъ тѣмъ въ изданіи этомъ собрано все, что было напечатано, кромѣ газетныхъ статеекъ и одной выкинутой повѣстушки. [2]) Сочинитель самъ многимъ весьма недоволенъ и не охотно сталъ бы перечитывать теперь все, что на вѣку своемъ написалъ; но въ поправки и передѣлки онъ не пускался: имъ не было бы конца».

Съ самаго пріѣзда въ Нижній, В. И. Даль сталъ приводить въ порядокъ собранныя имъ, въ количествѣ 37 тысячъ, русскія пословицы До тѣхъ поръ, всѣ выходившія въ свѣтъ, русскія пословицы (каждое собраніе въ пять, или шесть разъ меньше Далевскаго) были располагаемы по алфавиту. «Но азбучный сборникъ, какъ справедливо возразилъ Даль, можетъ служить развѣ для одной забавы: чтобы, заглянувъ въ него, поискать, есть ли тамъ пословица, которая мнѣ взбрела на умъ, или она пропущена». В. И. Даль призналъ необходимымъ расположить свой запасъ пословицъ по ихъ смыслу. Онъ работалъ такъ: всѣ собранныя пословицы были у него переписаны въ двухъ экземплярахъ на одной сторонѣ листа, другая оставалась чистою. Разрѣзавъ ихъ на *„ремешки“*, онъ, одинъ экземпляръ этихъ ремешковъ подклеивалъ въ одну изъ ста восьмидесяти тетрадей, озаглавленныхъ названіемъ не предположенныхъ, а явившихся сами собой во время работы разрядовъ: Богъ, Вѣра, Грѣхъ, Изувѣрство, Расколъ, Ханжество, Судьба, Терпѣніе и т. д. Затѣмъ разбирался каждый разрядъ. Пословицы подбирались по ихъ послѣдовательности и связи, по ихъ значенію. Другой экземпляръ *ремешковъ* подклеивался въ другую тетрадь, алфавитную, по первымъ буквамъ, не перваго, но

---

2) *Похожденія Віоль д'Амура.*

главнаго слова. Такимъ образомъ, составлялись примѣры, столь обильно разсыпанные по страницамъ *Толковаго Словаря*. За этою работой, которую мы шутя прозвали работой по *„ремешковой системѣ“*, Даль просиживалъ каждый вечеръ часа по три, по четыре. Для него это было работой механическою. Бывало рѣжетъ и подклеиваетъ ремешки, а самъ разсказываетъ бывальщину, да такъ разсказываетъ, что только слушай, да записывай. Но лишь только ударитъ 11 часовъ, Даль затушитъ стоявшія бывало предъ нимъ свѣчи, встанетъ и, пожелавъ гостямъ доброй ночи, скажетъ: «Одиннадцать часовъ, спать пора». Вообще, въ распредѣленіи времени, онъ былъ до крайности точенъ. Такъ повелось у него смолоду и кончилось со смертью. Когда въ 1853 году началась Крымская война, онъ половину послѣобѣденнаго времени удѣлялъ на другое дѣло—на щипанье корпіи для раненыхъ. Впослѣдствіи, здѣсь, въ Москвѣ, когда онъ кончилъ свой знаменитый *Словарь*, его, каждый вечеръ, можно было видѣть за письменнымъ столомъ, на которомъ онъ щипалъ корпію. Кажется, не одинъ десятокъ пудовъ ея отправлено было В. И. Далемъ въ военное вѣдомство, въ продолженіе послѣднихъ 20 лѣтъ.

У *Сборника Пословицъ* до напечатанія ихъ въ 1862 году была своя исторія, исторія мытарствъ и похожденій. Въ предисловіи къ *Сборнику*, Даль говоритъ:

«Сборнику моему суждено было пройти много мытарствъ задолго до печати, и притомъ безъ малѣйшаго искательства съ моей стороны, а по просвѣщенному участію и настоянію особы, на которую не смѣю и намекнуть, не зная будетъ ли это угодно. Но люди, и притомъ люди ученые по званію, признали изданіе Сборника вреднымъ, даже опаснымъ... Нашли, что сборникъ этотъ небезопасенъ, посягая на развращеніе

нравовъ... *Это куль муки и щепоть мышьяку*, [1]) сказали они. Домогаясь напечатать *памятники народныхъ глупостей*, г. Даль домогался дать имъ печатный авторитетъ. Къ опаснымъ для нравственности отнесены пословицы: «Благословясь не грѣхъ», «Середа да пятница хозяину въ домѣ не укащица». Находили непозволительнымъ сближеніе сподрядъ пословицъ или поговорокъ: «У него руки долги» (то-есть власти много) и «У него руки длинны» (то-есть воръ).

Дополню неясныя слова Даля. Дѣло было на моихъ глазахъ.

Одна изъ Высочайшихъ особъ пожелала видѣть *Сборникъ Пословицъ*, и получивъ его въ рукописи, признала полезнымъ его напечатать, но предварительно препроводила его въ Академію Наукъ, въ которой В. И. Даль былъ членомъ-корреспондентомъ. [2]) Въ Академіи поручили разборъ *Сборника* академику протоіерею Кочетову; онъ-то и нашелъ щепоть мышьяку въ Далевыхъ *Пословицахъ*. Даль отказался отъ печатанія пословицъ. Онъ писалъ въ Академію: «Не знаю, въ какой мѣрѣ Сборникъ мой богъ бы быть вреденъ или опасенъ для другихъ, но убѣждаюсь, что онъ бы могъ сдѣлаться небезопаснымъ для меня Если же, впрочемъ, онъ могъ побудить столь почтенное лицо, члена высшаго ученаго братства, *къ сочиненію уголовной повловицы, то очевидно развращаетъ нравы*... Остается положить его на костеръ и сжечь.

---

[1]) Такой пословицы въ народѣ нѣтъ. Эта «уголовная», по выраженію Даля, пословица сочинена покойнымъ академикомъ протоіереемъ Кочетовымъ.

[2]) Вскорѣ послѣ того какъ Россійская Академія была присоединена къ Академіи Наукъ въ видѣ втораго ея отдѣленія, Даля, бывшаго членомъ корреспондентомъ по первому, то-есть, по физико-математическому отдѣленію, не спросясь его, перевели во второе. Это очень оскорбило его.

Я же прошу позабыть, что Сборникъ былъ представленъ, тѣмъ болѣе, что это сдѣлано не мною.

Лишь черезъ девять лѣтъ послѣ того, *Пословицы* Даля нашли мѣсто въ *Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*. Лишь въ 1862 году появилась эта книга, столь необходимая и для филолога, и для этнографа, и для всякаго литератора, который желаетъ писать не по-французски, а по-русски.

Графъ Перовскій, управлявшій удѣлами, скончался въ концѣ 1856 года. Со смертью его, служебныя отношенія Даля неминуемо должны были измѣниться. Въ Нижнемъ, въ то время, занималъ мѣсто губернатора, бывшій декабристъ, основатель «Союза Благоденствія», А. Н. Муравьевъ, человѣкъ вполнѣ достойный, но къ сожалѣнію находившійся подъ вліяніемъ окружавшихъ его многочисленныхъ родственниковъ. Сначала, онъ жилъ съ Далемъ, что-называется, душа въ душу. Оба высоко-нравственные, оба высоко-образованные люди, связаны были, сверхъ того, вѣрою въ ученіе Сведенборга. Но, впослѣдствіи, между этими друзьями, вслѣдствіе навѣтовъ и бабьихъ сплетенъ, пробѣжала черная кошка. Произошло столкновеніе. Даль забылъ, что не всякій министръ есть Перовскій, написалъ къ его преемнику такое-же откровенное письмо, какія привыкъ писать къ графу Льву Алексѣевичу. Преемникомъ графа Перовскаго былъ родной братъ нижегородскаго губернатора. Владиміръ Ивановичъ получилъ отъ него замѣчаніе, (первое, послѣ постройки моста черезъ Вислу) и подалъ въ отставку

IX

Послѣ десятилѣтняго пребыванія въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ самомъ концѣ 1859 года, Владиміръ Ива-

новичъ, переѣхавъ въ Москву, поселился на Прѣснѣ, въ домѣ, имъ купленномъ у г. Иваненка, а построенномъ историографомъ княземъ Щербатовымъ. Въ этомъ домѣ написана была *Исторія Россійскаго Государства*, въ этомъ домѣ, (въ нашествіе Наполеона, поплатившемся паркетомъ въ гостиной, гдѣ какой-то французскій генералъ, не умѣя топить наши печи, разводилъ костры), кончены были работы по *Толковому Словарю*. Изъ Нижнаго, В. И. Даль привезъ *Словарь* окончательно обработанный до буквы П. Въ Москвѣ недуги Даля усилились, а онъ работалъ, работалъ неутомимо, иногда до обмороковъ. Онъ часто бывало говаривалъ: «Ахъ, дожить бы до конца *Словаря*! Спустить бы корабль на воду, отдать бы Богу на руки!»

Желаніе его исполнилось, онъ дожилъ до свершенія своего великаго труда.

Но какая неустанная работа потребовалась для изданія этого *Словаря*. Онъ напечатанъ шестью разными наборами не въ абзацахъ, а въ строку. Кто хоть нѣсколько знакомъ съ типографскимъ дѣломъ, тотъ поймётъ, какой трудъ, какое вниманіе надо было употребить для повѣрки такого набора. Даль держалъ *до четырнадцати корректуръ* трехсотъ тридцати листовъ своего труда: въ словарѣ малѣйшая опечатка не должна имѣть мѣста.... Въ *Напутномъ Словѣ* къ *Словарю* В. И. Даль говоритъ: «Выборъ, а затѣмъ частью и отливка шести разныхъ наборовъ, и другія пріуготовленія печатни, скрали почти полгода; правка такой книги, какъ *Словарь*, тяжела и мѣшкотна, а тѣмъ болѣе для одной пары старыхъ глазъ; вотъ причины медленности выхода *Словаря*; но что зависитъ отъ составителя, то, конечно, одна только смерть, или болѣзненное одряхлѣніе, могли бы остановить начатое».

Корректуру перваго листа *Словаря* В. И. Даль послалъ, въ 1863 году, на показъ, между прочимъ, покойному Гречу, прося у него, какъ у опытнаго лингвиста, совѣтовъ. «Когда я первый правочный листъ *Словаря* выслалъ Н. И. Гречу, говоритъ Владиміръ Ивановичъ въ *Напутномъ Словѣ*, чтобъ онъ, сообща со мною, порадовался началу успѣха завѣтнаго труда, то этотъ семидесятипятилѣтній дѣлатель, не смотря на вражду мою съ граматикой, настоялъ на высылкѣ къ нему по почтѣ (въ Петербургъ) каждаго правочнаго листа, возвращая его съ поправками и замѣтками своими ко мнѣ, въ Москву; а когда я отговаривался, совѣстясь затруднять его такимъ нескончаемымъ трудомъ, то онъ отвѣчалъ: «Дайте мнѣ умереть за этою работой!» Замѣтки этого заслуженнаго уставщика русской грамоты были мнѣ крайне полезны, охранивъ меня отъ многихъ промаховъ; и если они не всѣ безусловно мною приняты, то это уже сдѣлано сознательно, или по необходимости, чтобы не нарушить цѣлости принятыхъ однажды, право или неправо, основаній».

Первое сочувствіе знаменитый трудъ Даля встрѣтилъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, учрежденной при Московскомъ университетѣ. Безспорная заслуга Общества!

О сочувствіи этомъ Владиміръ Ивановичъ такъ разсказываетъ:

«Составитель обязанъ объявить, по какому случаю *Словарь* его, вовсе неожиданно, поступилъ въ печать. По прибытіи его въ Москву, зимою на 1860 годъ, Общество Любителей Русской Словесности, почтившее его, уже до сего, званіемъ члена своего, пожелало узнать ближе, въ какомъ видѣ обрабатывается *Словарь*, и что именно уже сдѣлано. Отчетъ въ этомъ отдалъ онъ запискою, читанною въ засѣданіяхъ Обще-

ства 1860 года (въ частномъ засѣданіи 25-го февраля и въ публичномъ 6-го марта). [1]) Горячо и настойчиво отозвалось на это все Общество, подъ предсѣдательствомъ покойнаго А. С. Хомякова, и тотчасъ же предложено было, не откладывая дѣла, найти средства для изданія *Словаря*.

«Дѣло составителя было при семъ заявить о всѣхъ затрудненіяхъ и неудобствахъ, какія онъ могъ предвидѣть, давно уже самъ обсуждая это дѣло: *Словарь* доведенъ еще только до половины, и едва ли, прежде восьми, или десяти лѣтъ, можетъ быть оконченъ; собирателю подъ шестьдесятъ лѣтъ; изданіе станетъ дорого, а между тѣмъ, вѣроятно, не окупится; кому нуженъ неоконченный *Словарь?*

«Но нашлось нѣсколько сильныхъ и горячихъ голосовъ, и первымъ изъ нихъ былъ голосъ М. П. Погодина, устранившій всѣ возраженія эти тѣмъ, что если видѣть всюду однѣ помѣхи и препоны, то ничего сдѣлать нельзя, ихъ найдется еще много впереди, несмотря ни на какую предусмотрительность нашу, а печатать *Словарь* надо, не дожидаясь конца его, и притомъ не упуская времени. Самая печать неминуемо должна продлиться нѣсколько лѣтъ, а потому будетъ еще время подумать объ остальномъ, лишь бы дѣло пущено было въ ходъ.

«Тогда поднялся еще одинъ голосъ А. И. Кошелева, съ другимъ вопросомъ: чего станетъ изданіе готовой половины *Словаря?* И по отвѣту, что безъ 3.000 руб., нельзя приступить къ изданію, даже разсчитывая на нѣкоторую помощь отъ выручки, деньги эти были, такъ-сказать, положены на столъ.» [2])

---

1) *Записка о Русскомъ Словарѣ* напечатана въ первой книжкѣ *Русской Бесѣды* на 1860 годъ и потомъ перепечатана въ предисловіи къ *Толковому Словарю живаго великорусскаго языка*, стр. XVI—XXIV.

2) *Толковый Словарь живаго великорусскаго языка*, т. I, стр. XIV.

Бывшій, въ то время, министромъ народнаго просвѣщенія статсъ-секретарь А. В Головнинъ, въ сороковыхъ годахъ служившій при графѣ Перовскомъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ В. И. Даля, [1]) еще въ 1862 году докладывалъ Государю Императору о напечатанныхъ *Пословицахъ Русскаго народа* и о составленіи Далемъ первой половины *Толковаго Словаря*. Державный покровитель наукъ, въ день празднованія тысячелѣтія Россіи, послалъ составителю этого *Словаря*, собирателю *Пословицъ* и знаменитому русскому писателю Владиміру Далю, аннинскую ленту при Высочайшей грамотѣ, въ которой изложены заслуги «знаменитаго писателя» на поприщѣ отечественной словесности. Въ 1864 году, министръ представилъ Государю Императору первый томъ *Толковаго Словаря* (буквы А—З). Его Величеству угодно было даровать своему народу *Словарь* его живаго языка. Всѣ издержки, по изданію *Толковаго Словаря* Даля, Государь принялъ на свой счетъ. Такимъ образомъ, если мы имѣемъ теперь *Словарь*, смотря на который, едва вѣрится, чтобъ это былъ трудъ одного человѣка, *Словарь*, подобнаго которому нѣтъ на другихъ языкахъ, [2]) то этимъ мы всецѣло обязаны народолюбивому и народомъ любимому Царю нашему, воспитаннику Далева друга, незабвеннаго Жуковскаго, отъ котораго Онъ научился любить и уважать отечественную литературу и родное слово. [3])

---

1) Онъ былъ секретаремъ особенной канцеляріи министра, а Даль управлялъ ею.

2) Говорится въ томъ смыслѣ, что на другихъ языкахъ нѣтъ такого словаря, въ которомъ бы собраны были всѣ областныя речепія, а прямѣ ы были бы заимствованы не изъ искуственной литературы, а *изъ устъ самого народа, творца своего языка*, то-есть изъ пословицъ, пѣсенъ, сказокъ, поговорокъ и т, п.

3) Три тысячи рублей, первоначально данныя на изданіе *Словаря*, были возвращены В. И. Далемъ А. И. Кошелеву, который не пожа-

Четыре огромные тома in 4-to въ 330 листовъ, плодъ неустанныхъ 47-лѣтнихъ трудовъ, въ 1867 году явились предъ русскою публикой. Какъ бы загремѣло имя Даля, еслибъ это былъ словарь французскій, нѣмецкій, англійскій! А у насъ хоть бы одно слово въ какомъ-нибудь журналѣ [1]). Ни одинъ университетъ не выразилъ своего уваженія къ монументальному труду Даля возведеніемъ его на степень доктора русской словесности, между тѣмъ какъ дипломы на докторскую степень раздавались зря. Ни одинъ университетъ не почтилъ составителя *Толковаго Словаря* званіемъ почетнаго члена или хотя простымъ привѣтомъ неутомимому труженику, окончившему столь великое дѣло!... Я не зналъ человѣка скромнѣе и нечестолюбивѣе Даля, но и его удивило такое равнодушіе. Впрочемъ я ошибся: одинъ университетъ, въ Россіи находящійся, съ должнымъ уваженіемъ отнесся къ труду Даля. Это университетъ нѣмецкій, существующій въ исконномъ русскомъ городѣ Юрьевѣ, нынѣ Дерптомъ именуемомъ. Оттуда прислали Далю за *русскій Словарь* латинскій дипломъ и нѣмецкую премію [2]).

лалъ взять ихъ обратно, но предоставилъ въ распоряженіе Общества Любителей Россійской Словесности для изданія русскихъ пѣсенъ, собранныхъ покойнымъ Кирѣевскимъ. Въ собраніе это вошли и пѣсни, собранныя В. И. Далемъ. До сихъ поръ издано девять выпусковъ пѣсенъ подъ редакціей Секретаря Общества П. А. Безсонова.

[1]) Это очень понятно. Чтобы дѣльно писать о Далевомъ словарѣ надо много знать, надо знать, кромѣ того, нашъ народъ и его живую рѣчь во всѣхъ ея изгибахъ. Какъ бы ни велико было у взявшагося писать знаніе русской грамматики и книжнаго языка, этого недостаточно. Даль говоритъ прямо, что русской грамматики покамѣсть еще нѣтъ, а книжный языкъ, особенно языкъ писателей послѣдняго времени, онъ отвергаетъ. Вотъ сказать, что въ *Словарѣ* помѣщены слова, составленныя самимъ Далемъ, выдуманныя имъ, какъ сдѣлалъ это г. Пыпинъ, это намъ съ руки.

[2]) Она учреждена вдовою нѣмкою (забылъ фамилію) и назначена для наградъ за знаменитые успѣхи въ области языкознанія.

Честь и слава россійскимъ университетамъ! А кажется въ нихъ сидѣли тогда не одни гг. Пыпины.

Когда *Толковый Словарь* былъ конченъ печатаніемъ, ординарный академикъ М. П. Погодинъ писалъ въ Академію:

«*Словарь* Даля конченъ. Теперь русская Академія Наукъ безъ Даля немыслима. Но вакантныхъ мѣстъ ординарнаго академика нѣтъ. Предлагаю: всѣмъ намъ, академикамъ, бросить жеребій кому выйти изъ Академіи вонъ, и упразднившееся мѣсто предоставить Далю. Выбывшій займетъ первую какая откроется вакансію».

Академія Наукъ единогласно избрала Владиміра Ивановича въ свои почетные члены. Затѣмъ она присудила *Толковому Словарю* Ломоносовскую премію. Разборъ *Словаря* составленъ ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. Кромѣ того академикомъ Л. П. Шренкомъ составлена была записка о зоологическихъ названіяхъ въ *Толковомъ Словарѣ*, а академикомъ Ф. И. Рупрехтомъ о ботаническихъ названіяхъ. Я. К. Гротъ составилъ также дополненія къ *Словарю* Даля [1]). Владиміръ Ивановичъ съ благодарностью воспользовался замѣчаніями названныхъ академиковъ. По изданіи *Словаря*, къ нему стали поступать изъ разныхъ мѣстъ много дополненій, особенно отъ г. Микуцкаго изъ Варшавы. Все это, всѣ присылаемыя и самимъ замѣчаемыя въ сочиненіяхъ разныхъ писателей слова, В. И. Даль вписывалъ въ печатный экземпляръ *Словаря*. Дополненія находятся у его наслѣдниковъ. Покойный соби-

---

[1]) Разборъ Я. К. Грота и записки его, Л. И. Шренка и Ф. И. Рупрехта напечатаны въ *Собраніи статей, читанныхъ въ отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, томъ VII, 1870 года.

рался издать ихъ особо [1]). Теперь осталось въ продажѣ весьма немного экземпляровъ *Толковаго Словаря*, [2]) и если во второе изданіе его будутъ включены приготовленныя составителемъ дополненія, то онъ будетъ почти въ полтора раза обширнѣе.

Въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности Даль былъ предложенъ въ почетные члены предсѣдателемъ А. И. Кошелевымъ, дѣйствительными членами, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и Мельниковымъ, и секретаремъ П. К. Щебальскимъ. Предъ засѣданіемъ, въ которомъ должна была производиться баллотировка, предложеніе лежало на столѣ. Всѣ члены Общества до единаго присоединили свои подписи къ предложенію названныхъ четырехъ членовъ. Баллотировки произвести было нельзя, ибо всѣ избиратели предложили Владиміра Ивановича въ почетные члены. Черезъ нѣсколько дней, когда изготовленъ былъ дипломъ, депутація, состоявшая изъ предсѣдателя Общества и многихъ членовъ, отправилась въ домъ Даля съ просьбой: «сдѣлать Обществу высокую честь — принять званіе почетнаго его члена».

Императорское Русское Географическое Общество, мысль о которомъ возникла въ сороковыхъ годахъ на Далевыхъ вечерахъ, увѣнчало трудъ его Константиновскою золотою медалью. Разборы были, по порученію этнографическаго отдѣленія Общества, написаны ординарнымъ академикомъ И. И. Срезневскимъ и членомъ общества П. И. Савваитовымъ. Кромѣ того на-

---

1) Часть ихъ помѣщаема была при *Словарѣ* въ видѣ дополненій. Эти дополненія печатались на одной сторонѣ листа въ видахъ приспособленія ихъ къ работѣ по «ремешковой системѣ». Ремешки эти можно подклеивать и въ самый *Словарь* на надлежащихъ мѣстахъ.

2) Не болѣе 150 изъ 1.500. Замѣчательно, что много экземпляровъ *Толковаго Словаря* выписано отъ иностранныхъ книгопродавцевъ заграницу.

писалъ разборъ еще членъ Общества г. Пыпинъ. По поводу сего послѣдняго разбора В. И. Даль напечаталъ въ концѣ IV тома своего *Словаря* слѣдующій *Отвѣтъ на приговоръ*:

«Этнографическое Отдѣленіе Русскаго Географическаго Общества, удостоивая *Толковый Словарь* мой Константиновской золотой медали, говоритъ по сему поводу: «Вполнѣ соглашаясь съ оцѣнкой сдѣланной «труду г. Даля гг. Срезневскимъ и Савваитовымъ, «Отдѣленіе признало его заслуживающимъ Константи«новскую медаль. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду «рецензію на *Толковый Словарь* г. Пыпина, хотя и «разсматривающаго его со стороны чисто филологи«ческой, члены Отдѣленія почли долгомъ заявить и съ «своей стороны, что было бы весьма желательно, чтобы «такія слова (то-есть слова не общеупотребительныя «въ языкѣ и какъ бы вновь составленныя), какъ ука«занныя г. Пыпинымъ и подобныя имъ, были вносимы «въ *Словарь* не иначе, какъ съ оговоркою, *гдѣ именно «и кѣмъ они сообщены составителю*, черезъ что самое, «по ихъ мнѣнію, устранится отъ этого важнаго и не«обходимаго для всѣхъ изданія, возможное въ против«номъ случаѣ, нареканіе на г. Даля, что онъ помѣ«щаетъ въ *Словарь* народнаго языка слова и рѣчи, про«тивныя его духу и слѣдовательно повидимому вы«мышленныя, или по крайней мѣрѣ весьма сомнитель«наго свойства.» Такъ какъ я уже много лѣтъ за недосугомъ ничего не читаю, отдавъ всѣ силы свои, все время, и всѣ глаза *Словарю*, то я не видалъ и не слышалъ даже ничего объ этомъ приговорѣ столь уважаемаго ученаго Общества, ниже о разборѣ г. Пыпина. Все это дошло до меня только нынѣ, черезъ пять лѣтъ, иначе я бы тогда же счелъ долгомъ объясниться. Мнѣ извѣстенъ былъ досель одинъ только темный и безыменный намекъ въ томъ же духѣ, сдѣ-

ланный однимъ изъ гг. академиковъ [1]). Я тогда же писалъ къ нему, просилъ прямыхъ указаній и объясненій, но просилъ безуспѣшно; объясненій ни моихъ, ни своихъ, повидимому, не желали; а такъ какъ намекъ былъ очень темный и могъ относиться даже и не ко мнѣ, то я и не могъ настаивать на объясненіи. Требованіе Отдѣленія кажется простое и правое: укажи, гдѣ ты взялъ слова эти, мы ихъ не знаемъ, не слыхали, въ *Академическомъ Словарѣ* ихъ нѣтъ; но задача трудна и даже неисполнима. Предвидя такое требованіе, я уже говорилъ о немъ въ *Напутномъ Словѣ* своемъ къ *Словарю*. Если словарь набирается только изъ книгъ, то конечно на нихъ можно сослаться; будетъ побольше труда, ссылки займутъ много мѣста, но исполнить это можно. Если составляется словарь обработаннаго, вполнѣ устоявшагося языка, то въ этомъ указаніи почти нѣтъ надобности; составитель новаго французскаго или нѣмецкаго словаря едва ли найдетъ много такихъ словъ, коихъ бы не было ни въ одномъ изъ вышедшихъ уже словарей; языкъ давно перепотрошенъ на всѣ лады и каждое слово его перебрано и перещупано въ пальцахъ А что дѣлать русскому словарнику, который одинъ, своею душой, собралъ гораздо за 80.000 словъ, коихъ нѣтъ доселѣ ни въ одномъ словарѣ, откуда они вытѣснены условными, письменными реченіями, частью плохо придуманными, частью взятыми изъ помянутыхъ готовыхъ нѣмецкихъ и французскихъ словарей? Скажутъ: и у 80.000 словъ можно сдѣлать отмѣтки; но спрашиваю, на что и на кого ссылаться? Этнографическое Отдѣленіе говоритъ: «Вносить съ оговоркою, гдѣ именно и кѣмъ слова составителю сообщены». Академія могла бы это сдѣлать при изданіи *Областнаго Словаря*, потому

[1]) Покойнымъ академикомъ Коркуновымъ, редактировавшимъ *Областной Словарь Академіи Наукъ*.

что ей сообщались слова за подписью собирателей, а я-то, самъ собиратель, то-есть, подбиравшій крохи эти случайно и сорокъ лѣтъ сряду, на кого я сошлюсь? Или мнѣ выставить при каждомъ словѣ: *слышано въ городѣ Ирбити, отъ купца Пряничникова*, или *въ деревнѣ Поповой, Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, отъ крестьянки Макаровой?* Вѣдь краткое указаніе на губернію, коли слово мѣстное, у меня есть; множество словъ, искаженныхъ *Областнымъ Словаремъ*, указаны, либо исправлены мною, знакъ сомнѣнія (?) выставленъ при каждомъ подозрѣваемомъ мною словѣ— не знаю, что я могъ сдѣлать болѣе? Записывая чуть ли не съ 1819 года всякое новое для меня слово, гдѣ бы оно мнѣ ни попадалось, могъ ли я предвидѣть подобное требованіе и могъ ли его исполнить? Развѣ я ходилъ по слова, какъ по грибы, набралъ кузовъ, принесъ домой и пожалуй подписалъ: «изъ такого-то бора»? Кто занимался этимъ дѣломъ, тотъ понимаетъ что на заказъ словъ не наберешь, а хватаешь ихъ на лету, въ бесѣдѣ, когда они безо всякаго раздумья бываютъ сказаны. Люди близкіе со мною не разъ останавливали меня, среди жаркой бесѣды, вопросомъ: «Что́ вы записываете?» А я записываю сказанное вами слово, котораго нѣтъ ни въ одномъ словарѣ. Никто изъ собесѣдниковъ не можетъ вспомнить этого слова, никто ничего подобнаго не слышалъ, и даже самъ сказавшій его, первый же и отрекается; а когда я затѣмъ покажу что́ записалъ: *горонить*, *замолаживать* или *увый*, или что-нибудь подобное, то оказывается что одинъ не дослышалъ слова этого, другой спрашиваетъ при семъ случаѣ, что́ оно значитъ, а третій дивится: чего тутъ записывать? слово обиходное, всякому извѣстное!.. Что́ же я отмѣчу при такомъ словѣ — а ихъ тысячи — чье имя или свидѣтельство подъ нимъ выставлю? Имя этого собесѣдника? Но онъ никому изъ ученыхъ не извѣстенъ;

Николаевыхъ и Ведерниковыхъ на Руси много, да наконецъ, и онъ могъ придумать слово это, также какъ я; воля ваша, опричь случаевъ, гдѣ слово относится къ весьма ограниченной мѣстности или къ какому-нибудь ремеслу, промыслу, трудно дѣлать удостовѣренія или ручательство. Кромѣ нравственной поруки, другой нѣтъ; можно бы развѣ только пожелать, чтобы прежде подобнаго нареканія, сами судьи ознакомились поближе съ живымъ, не книжнымъ языкомъ, и, можетъ-быть, многія сомнѣнія тогда бы сами собой исчезли. Я говорю прямо и по совѣсти, что *Словарь* мой не заслужилъ на почвѣ этнографіи той высшей награды, которой онъ былъ удостоенъ, это мое искреннее убѣжденіе, потому что въ народописательномъ отношеніи въ немъ нѣтъ ничего полнаго, связнаго и цѣльнаго; но подобное заподóзрѣнье, въ общихъ словахъ, заподóзрѣнье ученымъ обществомъ, лишаетъ его въ глазахъ современниковъ даже и язычнаго достоинства: коли словарю нельзя вѣрить, коли онъ набитъ офеньскими, то-есть придуманными словами вмѣсто природныхъ, то какой же это словарь? Множество такихъ офеньскихъ, либо сочиненныхъ или искаженныхъ словъ, я не принялъ изъ академическаго *Областнаго Словаря*, большое число ихъ исправилъ или отмѣтилъ ихъ офеньскими, или ставилъ при нихъ знакъ сомнѣнія,—и за тѣмъ буду самъ придумывать свои слова?

«Но я знаю что потомство разсудитъ иначе и назоветъ нареканіе это, печатно высказанное, напраслиной. Русскій языкъ станетъ современемъ болѣе доступнымъ для образованныхъ сословій, пишущіе люди сроднятся съ нимъ и конечно не найдутъ въ *Словарѣ* моемъ того, что имъ предсказали современники. Я впрочемъ никогда и нигдѣ не ободрялъ безусловно всего безъ различія, что обязанъ былъ включить въ *Словарь*: выборъ предоставленъ писателю

«Возьмемъ другой примѣръ: по живому составу нашего языка или по свойству словообразованья его, каждый глаголъ самъ собою даетъ отъ себя цѣлое гнѣздо производныхъ, даетъ существительныя, прилагательныя, нарѣчія и пр. Изъ этихъ словъ, какъ я указалъ примѣрами въ передовой статьѣ своей (къ *Словарю*), и половины нѣтъ въ прочихъ словаряхъ; я старался пополнить пропуски эти,—но на что́ я пошлюсь, еслибы потребовали у меня отчета, откуда я взялъ такое-то слово? Я не могу указать ни на что кромѣ самой природы духа нашего языка, могу лишь сослаться на міръ, на всю Русь; но не знаю было ли оно въ печати, не знаю гдѣ, и кѣмъ, и когда оно говорилось. Коли есть глаголъ *пособлять*, *пособить* то есть и *посабливать*, хотя бы его въ книгахъ нашихъ и не было, и есть, *посабливанье*, *пособленье*, *пособъ* и *пособка* и пр. На кого же я сошлюсь что слова эти есть, что я ихъ не придумалъ? На русское ухо — больше ни на кого.

«Все это я писалъ, не видавъ разбора (г. Пыпина), на который Этнографическое Отдѣленіе ссылается; разспросы мои, наконецъ, объяснили мнѣ что разборъ этотъ никогда не былъ напечатанъ, и я съ великимъ трудомъ добылъ свѣдѣніе о томъ на какія именно слова моего *Словаря* разборщикъ ссылается. Онъ приводитъ ихъ всего только *три*, говоря: «гармонію онъ (Даль) переводитъ: *согласъ*, гимнастику—*ловкосиліе*, автоматъ—*живуля*», и при послѣднемъ словѣ ставитъ два знака удивленія. Основываясь на этихъ трехъ словахъ разборщикъ (г. Пыпинъ) говоритъ: «рядомъ со словами общественными, словами областными, онъ (Даль) ставитъ *часто*, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова собственнаго сочиненія».

«Еслибы до времени открыто было въ *Словарѣ* моемъ не болѣе этихъ трехъ словъ моего сочиненія, то не лишку ли сказано, что составитель дѣлаетъ это

часто? Но первое изъ нихъ, *согласъ*, конечно, не моего сочиненія; можетъ-быть оно не печаталось доселѣ, писалось однако же, а еще чаще говорилось: *по общему согласу нашему*, пишутъ въ мірскихъ приговорахъ; согласіе или *согласъ*—у старообрядцевъ кругъ, секта; *ихъ согласъ не беретъ*, говорится въ народѣ же не рѣдко, и потому это слово не мое изобрѣтенье; меня можно обвинить развѣ только въ томъ, что я его поставилъ какъ толкованіе въ числѣ тринадцати другихъ словъ, что я предложилъ слово это въ такомъ значеньи, въ какомъ оно можетъ-быть доселѣ не принималось; но посему-то рядомъ съ нимъ и поставлено еще двѣнадцать другихъ словъ; кромѣ того слова *согласъ*, въ значеніи *гармоніи*, въ красной строкѣ, на своемъ мѣстѣ, подъ буквою *с*—нѣтъ, а оно объяснено такъ какъ *согласіе* и *согласность*. Второе слово, *живуля*, также сочинено не мною, оно есть въ народѣ, и на сей разъ я могу сослаться на загадку, какъ сдѣлано и въ *Словарѣ* моемъ. Или я самъ сочинилъ и загадку эту? Что же мнѣ отвѣчать на такое обвиненіе? Я могу только просить обвинителя моего подумать о томъ, что онъ дѣлаетъ, и притомъ напередъ подумать, а потомъ сказать. *Живуля* въ народѣ нѣчто полуживое или по движеніямъ своимъ подобное живому. *Сидитъ живая живулечка на живомъ стуличкѣ*, *теребитъ живое мясцо* (младенецъ). Этого мало: слово это не только не выдумано мною, оно даже въ самомъ значеніи своемъ какъ *автоматъ* взято изъ устъ народа. Мужикъ разсказывалъ, что видѣлъ *живуль*, въ томъ числѣ и Наполеона [1]); другой спросилъ, ходятъ ли они, и на отрицательный отвѣтъ продолжалъ: «такъ это не *живуля*, а болваны, а я такъ видѣлъ *живулю*, куклу, четверти въ три, и бѣгаетъ она сама, одна на кругахъ». Вотъ

---

[1]) Въ ярмарочномъ балаганѣ съ восковыми фигурами.

откуда я взялъ значенье этого слова, и за всѣмъ тѣмъ при переводѣ его словомъ *автоматъ* поставилъ еще вопросительный знакъ (см. *живой*). Наконецъ, третій примѣръ: *ловкосиліе*, правда, слово моего сочиненья, но и его нѣтъ на своемъ мѣстѣ подъ буквою *л*, а оно поставлено только *какъ объяснительное* при словѣ *гимнастика* и притомъ также съ вопросительнымъ знакомъ. Итакъ, изъ числа трехъ словъ или примѣровъ на коихъ основанъ крайне тяжкій приговоръ, одно слово можетъ служить къ обвиненію, но и это слово вставлено только ради объясненія, набрано тѣми же буквами, какъ всѣ толкованія, и притомъ съ вопросительнымъ знакомъ. Правда ли, послѣ этого, что «*онъ* (Даль) *ставитъ часто, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова собственнаго сочиненія?*»

«Утверждаю что во всемъ *Словарѣ* моемъ нѣтъ ни одного выдуманнаго мною слова, то-есть нѣтъ въ красной строкѣ, какъ слова объясняемаго; въ толкованіяхъ могутъ попадаться, хотя весьма рѣдко, слова не бывшія доселѣ въ обиходѣ; спрашиваю еще разъ не за себя, а за самое дѣло, можно ли послѣ сего такъ о немъ отозваться, какъ это случилось въ помянутомъ разборѣ (г. Пыпина)? Вѣдь о такомъ трудѣ говорить на махъ нельзя; вѣдь найдутся же люди, не теперь, такъ современемъ, кои сами вникнутъ въ дѣло и разберутъ его по совѣсти! А покуда это еще не сдѣлано, я самъ знаю за *Словаремъ* своимъ болѣе недостатковъ чѣмъ кто-либо; но порока, который добрые люди хотятъ навязать ему, въ немъ нѣтъ.

«Если трудъ цѣлой жизни человѣка поносится однимъ легкомысленно кинутымъ словомъ, то на это и отвѣчать было бы нечего; но если слово это содержитъ въ себѣ прямое обвиненіе, то на него отвѣчать должно, и отвѣчать не ради личности своей, а ради дѣла. Чая въ противникѣ своемъ (г. Пыпинѣ), *честнаго человѣка*, я увѣренъ, что онъ за симъ сдѣлаетъ одно изъ двухъ:

либо докажетъ не однимъ и даже не тремя примѣрами что «*Даль ставитъ часто, ничьмъ ихъ не обозначая, слова своего сочиненья*», либо объявитъ, что онъ ошибся и что беретъ слово свое назадъ».

Это было напечатано въ январѣ 1867 года, съ тѣхъ поръ до кончины Даля протекло безъ малаго шесть лѣтъ. *Честный человѣкъ*, какъ назвалъ Даль г. Пыпина, и не доказалъ, и не сказалъ, что онъ ошибся... Знаменіе времени!

Здѣсь нарочно приведено длинное объясненіе В. И. Даля, чтобы показать насколько основательно сужденіе г. Пыпина, послужившее однако источникомъ мнѣній и сплетень въ нѣкоторыхъ кружкахъ о томъ, будто Даль сочинялъ слова, искони находящіяся въ устахъ народа, но невѣдомыя нѣкоторымъ петербургскимъ фельетонистамъ, которые страждутъ ничѣмъ неизлѣчимымъ недугомъ самомнѣнія и внутренней пустоты.

Кончивъ печатаніе *Словаря*, Владиміръ Ивановичъ отдохнулъ отъ трудовъ. Онъ сдѣлалъ все: *Словарь* и *Пословицы* изданы, пѣсни переданы въ Общество Любителей Россійской Словесности для печатанія ихъ вмѣстѣ съ пѣснями Кирѣевскаго, сказки отданы для напечатанія покойному А. Н. Аѳанасьеву, разныя записки и служебныя бумаги О. М. Бодянскому, который помѣщалъ и помѣщаетъ ихъ въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей*, и П. И. Бартеневу для *Русскаго Архива*, нѣкоторыя бумаги—М. П. Погодину; большое собраніе записокъ относящихся до раскола—мнѣ. Раздавъ такимъ образомъ свои запасы, В. И. Даль говаривалъ, что онъ теперь спокоенъ, будучи увѣренъ что все собранное имъ въ теченіе полустолѣтія рано или поздно увидитъ свѣтъ Божій.

Казалось бы, съ окончаніемъ долговременныхъ и тяжелыхъ трудовъ, здоровье Владиміра Ивановича должно было если не возстановиться, то хоть попра

виться. Вышло наоборотъ. Ему некуда было дѣвать часовъ отведенныхъ для занятій *Словаремъ*. Щипанье корпіи, разумѣется не могло удовлетворить трудолюбца... Долговременная привычка къ постоянному труду, вдругъ прекратившемуся, вредно повліяла на здоровье великаго трудолюбца. Самъ онъ сознавалъ это и, сознавая, сталъ опять писать *Картины русскаго быта* для *Русскаго Вѣстника* [1]), и *Бытописаніе* для народнаго чтенія.

Бытописаніе—это Моиссеево Пятикнижіе изложенное примѣнительно къ понятіямъ русскаго простонародья. Трудъ замѣчательный по своей ясности, простотѣ и доступности пониманію малосвѣдущихъ людей [2]). Особенно замѣчательны въ немъ нравственныя толкованія разныхъ мѣстъ Св. Писанія, примѣненныя къ быту и обычаямъ нашей сельщины-деревенщины. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются не только чрезвычайною ясностью, но и такими примѣненіями къ жизни которыя ускользали отъ вниманія современныхъ церковныхъ учителей. Для примѣра приведу слѣдующее. Говоря о Синайскомъ законодательствѣ, Даль объясняетъ каждую изъ десяти заповѣдей. Объясняя четвертую, онъ говоритъ, что святить установленные праздники должно не гульбой, не пьянствомъ и обжорствомъ, а добрыми дѣлами и помышленіями о Богѣ и будущей жизни. «Но если, прибавляетъ онъ, ты все это исполнишь, то исполнилъ ты только половину Божіей заповѣди, другая за тобой. Въ ней сказано:

---

[1]) *Картины русскаго быта*, напечатанныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1867 и 1868 годовъ. Это были послѣднія напечатанныя при жизни В. И. Даля его сочиненія.

[2]) В. И. Даль имѣлъ также намѣреніе передать Евангеліе на языкѣ простонародья, но въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ, и притомъ, разумѣется, буквально. Переведенная, такимъ образомъ, XIII глава Евангелія Матвѣя находится теперь въ рукописи у М. П. Погодина.

«шесть дней дѣлай и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя». Значитъ каждый день трудись, опохмѣляться въ понедѣльникъ и думать не смѣй, всѣ шесть дней работай, сотвори *всѣ* свои дѣла до единаго, ни какой работы не смѣй оставлять до другой недѣли. Такъ Богъ велѣлъ. Онъ сказалъ не просто «сотвори дѣла», а «сотвори *вся* дѣла».

Бытописаніе Даля прошло много мытарствъ по цензурамъ. Иныхъ смущало то, что вмѣсто непонятной народу «скиніи», у него стоитъ палатка, шатеръ; вмѣсто «брада Аарона» — Ааронова борода; вмѣсто «стана израильскаго» (въ пустынѣ)—еврейскій таборъ. Другіе недоумѣвали можно ли допустить лютеранину поучать православный народъ. Третьи находили несогласія съ хронологіей LXX толковниковъ. Владиміръ Ивановичъ сдѣлалъ всѣ указанныя ему поправки, наконецъ, во всемъ изложеніи не найдено ни малѣйшей неправославной мысли, тѣмъ не менѣе затрудненія не исчезали. Въ Московской духовной цензурѣ рукопись пролежала около двухъ лѣтъ, надъ нею все думали, и возвратили автору, что-называется, безъ отказу, безъ приказу. Въ 1869 году я отвезъ рукопись *Бытописанія* въ Петербургъ. Тамошняя духовная цензура одобрила ее къ напечатанію, но *Бытописаніе* все-таки осталось ненапечатаннымъ, хотя одна особа и бралась его напечатать, еще съ картинами. А какъ бы хорошо было теперь дать пробуждающемуся отъ тьмы невѣжества нашему народу эту книгу, доступную его пониманію! Какъ бы это было полезно! Теперь даже и того препятствія нѣтъ, что написалъ эту книгу иновѣрецъ. За годъ до смерти онъ вступилъ въ лоно православной церкви, которую всегда признавалъ изъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій ближайшею къ ученію Христа Спасителя. А между тѣмъ какъ явныя и тайныя препятствія воздвигаемы были противъ распростране-

нія Далева *Бытописанія* въ народѣ, въ дѣтской даже литературѣ то-и-дѣло появлялись разказы изъ Библіи съ сужденіями далеко не православными, а въ нѣкоторыхъ народныхъ школахъ преподавалось, что источникъ всякой жизни не Богъ, а кислородъ, что міръ не сотворенъ, а самъ собой сдѣлался.... Но эти писатели и учители по всѣмъ актамъ значатся православными, а Даль—лютеранинъ. Изъ сего явствуетъ что ихъ наставленія народу полезны, а Далево *Бытописаніе* вредно. [1])

Что́ же побудило Владиміра Ивановича приложить послѣдніе труды свои къ *Бытописанію?* На это онъ имѣлъ свои причины. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда у насъ на Руси повѣяло новымъ духомъ, когда все встрепенулось и какъ бы ожило, много заботъ было положено на распространеніе грамотности въ темной массѣ нашего простонародья. Умножались народныя сельскія училища; по городамъ появлялись небывалыя дотолѣ воскресныя школы; въ полкахъ стали учить солдатъ грамотѣ; открылись школы при церквахъ, на фабрикахъ, въ тюрьмахъ.... В. И. Даль отъ души радовался этому, но зная русскій народъ несравненно лучше и ближе горячившихся санктпетербугскихъ «народниковъ», недоумѣвалъ надъ однимъ — что́ же будетъ читать народъ обучившійся грамотѣ? Готовы ли для него книги? «Нѣтъ спору, говорилъ онъ, что ученье свѣтъ, а неученье тьма, и что грамотѣ учиться всегда пригодится, а когда будетъ больше грамотныхъ, дураковъ поменьше будетъ; однако, прибавлялъ онъ, на одной грамотѣ далеко не уѣдешь, Нужно для народа чтеніе, а гдѣ оно? Не въ тѣхъ ли книжкахъ московскаго издѣлья, что офени по деревнямъ въ коробьяхъ разносятъ, или тѣ, что начали, какъ бли-

---

[1]) Предъ кончиной, В. И. Даль свое *Бытописаніе* передалъ въ рукописи свояченицѣ своей, Натальѣ Львовнѣ Соколовой.

ны **печь петербургскіе** борзописцы? Необходимо заготовить книги, да чтобъ эти книги, хоть бы были и не складны письмомъ, да были бы складны смысломъ.... А безъ нихъ какой прокъ въ грамотѣ? Развѣ что въ кабакахъ фальшивые паспорты писать?» Эти мысли, живя еще въ Нижнемъ, постояно и открыто высказывалъ Владиміръ Ивановичъ и писалъ въ письмахъ къ друзьямъ, а въ 1859 году, не задолго до переѣзда въ Москву, изложилъ ихъ въ одной изъ столичныхъ газетъ. Боже мой! какой гвалтъ подняли тѣ, кого Даль обозвалъ борзописцами! Во всѣхъ газетахъ посыпались на него обвиненія: Даль ретроградъ! Даль гасильникъ просвѣщенія! и т. д. Разные въ то время считавшіеся верхомъ ума и остроумія *Свистки и Гудки* завели такую Katzenmusik предъ Далемъ, что изъ-за нея не слышно было ни одного уманаго слова.... Надъ Далемъ смѣялись самые набольшіе, изъ вожаковъ тогдашняго, такъ-названнаго потомъ «нигилистическаго» направленія литературы.... Стало-быть другимъ тутъ умствовать было нечего: признавай всѣ огуломъ Даля невѣждой и гасильникомъ, на томъ и дѣлу конецъ. Не зная новоявленныхъ чудотворцевъ россійской словесности, зная литераторовъ по Пушкину, Жуковскому, Гоголю и другимъ, находившимся съ Далемъ въ дружбѣ и общеніи, не бывавъ десять лѣтъ въ Петербургѣ, онъ предполагалъ, что тамъ все еще обстоитъ попрежнему, то-есть, что въ средѣ пишущихъ «новыхъ людей», какъ во время оно, царятъ и здравый смыслъ, и добросовѣстность, и знаніе. Въ этомъ убѣжденіи онъ и выступилъ съ объясненіемъ гдѣ доказывалъ, что произошло недоразуменіе, что его не поняли, что онъ не противъ народнаго образованія, но противъ грамотности *безъ чтеніе*, что грамотность составляетъ не цѣль, а только средство для достиженія цѣли. За это Даля обругали пуще прежняго. Онъ пересталъ писать.

Между тѣмъ бѣснованіе новоявленныхъ чудотворцевъ бѣдной русской печати шло далѣе и далѣе, и чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ... Они сами однако поняли, что одной грамоты мало, что народу ученье нужно. И вотъ одни вздумали знакомить его преимущественно съ естественными науками, а пуще всего съ физіологіей и особенно съ рефлексами мозга; другіе не шутя предлагали учить мальчиковъ въ сельскихъ школахъ политической экономіи. Начали писать книги и книжки для народнаго чтенія. Слава Богу, что онѣ теперь позабыты.... И впрямь и вкось въ этихъ книжкахъ обо всемъ говорилось въ поученіе народу, обо всемъ кромѣ закона Божія и закона государственнаго. Много говорилось о правахъ, ни слова объ обязанностяхъ. Проскакивали глумленія надо всѣмъ, что свято для народнаго міровоззрѣнія.... Занятый печатаніемъ сначала своихъ *Пословицъ*, а потомъ *Словаря*, Владиміръ Ивановичъ скорбѣлъ душою, приглядываясь къ шабашу Лысой горы, какъ онъ выражался, во всемъ безобразіи разыгравшемуся въ извѣстныхъ приходахъ нашей литературу. Когда же кончилъ онъ многотрудную работу надъ *Словаремъ*, принялъ намѣреніе писать книги для народнаго чтенія. Съ чего же начать? Конечно съ «вѣчной книги» со слова Божія. Кончивъ *Бытописаніе*, намѣревался онъ продолжать трудъ свой, пройти всю Библію. Еще въ 1869 году онъ читалъ мнѣ отрывки изъ *Іисуса Навина*, *Судей и Царствъ*. но затрудненія, встрѣченныя для напечатанія *Бытописанія*, заставляли его положить перо и заняться исключительно щипаньемъ корпіи для раненыхъ.

X.

В. И. Даль всегда, какъ сказано было прежде, признавалъ ближайшею ко Христову ученію церковь

православную. Значительная часть нашихъ бесѣдъ съ Далемъ, въ продолженіе тридцатилѣтней пріязни, посвящаема была историческимъ вопросамъ объ исповѣданіяхъ и различныхъ церковныхъ расколахъ. Еще лѣтъ двадцать пять тому назадъ (какъ теперь помню, это было въ селѣ Чистомъ Полѣ, Семеновскаго уѣзда), онъ въ первый разъ высказалъ мнѣ слѣдующее: «Самая прямая наслѣдница апостоловъ безпорно ваша грековосточная церковь, а наше лютеранство дальше всѣхъ забрело въ дичь и глушь, Эти раскольники (Чистое Поле и его окресныя селенія населены раскольниками) несравненно ближе ко Христу чѣмъ лютеране. Лютеране—головѣры. По ученію Лютера: «вѣруй только во Христа, спасешься ты и весь домъ твой», добрыхъ дѣлъ значитъ не нужно. Эдакъ не одинъ благоразумный въ Евангеліи упоминаемый разбойникъ, но и всякій разбойникъ съ большой дороги въ царство небесное угодитъ, если только вѣруетъ во Христа. Римское католичество въ этомъ отношеніи лучше протестантства, но тамъ другая бѣда, горшая лютеранскаго головѣрія—главенство папы, признаніе смертнаго и страстнаго человѣка намѣстникомъ Сына Божія. Православіе—великое благо для Россіи, несмотря на множество суевѣрій русскаго народа. Но вѣдь всѣ эти суевѣрія ничто иное какъ простодушный лепетъ младенца, еще неразумнаго но имѣющаго въ себѣ ангельскую душу. Сколько я ни знаю нѣтъ добрѣе нашего русскаго народа и нѣтъ его правдивѣе, если только обращаться съ нимъ правдиво... А отчего это? Оттого, что онъ православный... Повѣрьте мнѣ, что Россія погибнетъ только тогда, когда изсякнетъ въ ней православіе... Расколы—вздоръ, пустяки; съ распространеніемъ образованія они какъ пыль свѣются съ Русскаго народа. Расколъ недолговѣченъ, устоять ему нельзя; что бы о немъ ни говорили, а онъ все-таки ничто иное какъ

порожденіе невѣжества... Предъ свѣтомъ образованія не устоять ни темному невѣжеству, ни любящему потемки расколу. Суевѣрія тоже пройдутъ современемъ. Да гдѣ же и нѣтъ суевѣрій? У католиковъ ихъ несравненно больше, а развѣ протестантство можетъ похвалиться, что оно совершенно свободно отъ суевѣрій? Но суевѣріе суевѣрію—рознь. Наши русскія суевѣрья имѣютъ характеръ добродушія и простодушія, на Западѣ не то; тамошнія суевѣрія дышатъ зломъ, пахнутъ кровью. У насъ непомѣрное, превышающее церковный законъ почитаніе иконъ, благовѣщенская просфора, разсѣянная вмѣстѣ съ хлѣбными зернами по полю ради урожая, скраденная частица Св. Даровъ положенная въ пчелиный улей, чтобы меду было побольше, а тамъ—испанскія инквизиціи, Варѳоломеевскія ночи, поголовное истребленіе евреевъ, мавровъ, казни протестантовъ!»

Такъ говаривалъ онъ много разъ и впослѣдствіи, и чѣмъ болѣе склонялись дни его тѣмъ чаще. Помню разъ, года четыре тому назадъ, прогуливались мы съ нимъ по полю около Ваганькова кладбища. Оно недалеко отъ Прѣсни, гдѣ жилъ и умеръ Владиміръ Ивановичъ.

— Вотъ и я здѣсь лягу,—сказалъ онъ, указывая на кладбище.

— Да васъ туда не пустятъ,—замѣтилъ я.

— Пустятъ,—отвѣчалъ онъ,—я умру православнымъ по формѣ, хотъ съ юности православенъ по вѣрованіямъ.

— Что же мѣшаетъ вамъ, Владиміръ Ивановичъ? сказалъ я.—Вотъ церковь....

— Не время еще,—сказалъ онъ, — много молвы и говора будетъ, а я этого не хочу; придетъ время какъ подойдетъ безглазая, тогда....—И тутъ же поворотилъ на шутку:—Не то каково будетъ моимъ тащить трупъ

мой черезо всю Москву на Введенскія горы,[1]) а здѣсь любезное дѣло—близехонько.

Выше было сказано, что В. И. Даль увлекался ученіемъ Сведенборга. Когда я сблизился съ нимъ, а это было еще въ сороковыхъ годахъ, онъ уже былъ увлеченъ сочиненіями шведскаго духовидца. Нравственное ученіе Сведенборга ничѣмъ не противно нравственности христіанской; это одно изъ самыхъ возвышенныхъ нравственныхъ ученій. Но Даль увлекался видѣніями Сведенборга о состояніи человѣческихъ душъ въ вѣчной жизни и его истолкованіями Св. Писанія. Въ Нижнемъ, въ 1852 году, онъ даже переложилъ *Апокалипсисъ* по словарю таинственныхъ словъ указанныхъ Сведенборгомъ. Вышла исторія христіанской церкви послѣ апостоловъ.[2]) Пытливый и нѣсколько мечтательный духъ Владиміра Ивановича занятъ былъ на нѣкоторое время и спиритизмомъ, но это продолжалось недолго. Принявъ православіе, онъ отвергъ Сведенборга и успокоилъ пытливость своего духа въ ученіи и преданіяхъ восточной церкви. «Я всю жизнь искалъ истины и теперь нашелъ ее,» говорилъ онъ, вступивъ въ ограду православія.

---

[1]) На Введенскихъ горахъ, единственное въ Москвѣ лютеранское кладбище. Оно въ верстахъ въ восьми отъ Прѣсни.

[2]) Это переложеніе (въ рукописи) находится у М. П. Погодина. Кстати о Сведенборгѣ. Однажды, еще въ Нижнемъ, мы читали съ В. И. Далемъ *Arcana Coelestia*, именно то мѣсто, гдѣ Сведенборгъ говоритъ, что онъ просилъ Бога дозволить ему заживо испытать все, что испытываетъ человѣкъ при разлученіи души съ тѣломъ, и имѣлъ послѣ того видѣніе. Тогда я, только-что, знакомился еще съ ученіемъ Сведенборга. Упомянутая книга была для меня новостью. Когда мы прочли видѣніе, я съ удивленіемъ сказалъ: «Помилуйте, Владиміръ Ивановичъ, да вѣдь это наши Ѳеодорины мытарства, *Житіе Василія Новаго*, только внѣшнія формы нѣсколько не тѣ, а смыслъ тотъ же самый...» Онъ отвѣчалъ: «Да вѣдь говорилъ же я вамъ, что у Сведенборга ничего нѣтъ противнаго христіанству. А вы вотъ о чемъ подумайте: у католиковъ вмѣсто мытарствъ—чистилище, у протестантовъ нѣтъ чистилища, но

Осенью 1871 года съ Владиміромъ Ивановичемъ случился первый легкій ударъ, и первымъ его дѣломъ было пригласить глубоко уважаемаго имъ священника, отца Преображенскаго, для присоединенія къ нашей церкви и дарованія таинства св. причащенія по православному обряду. Удары повторялись одинъ за другимъ и послѣ каждаго онъ прибѣгалъ къ божественному таинству. сентября 22-го 1872 года онъ скончался.

Итакъ скончалъ онъ жизнь свою въ русской церкви. А былъ ли Даль русскимъ по духу, онъ—Датчанинъ по племени? Всегда, съ ранней молодости.

Лѣтъ пять тому назадъ, въ какомъ-то, не упомню, журналѣ, напечатано было о славянахъ въ Даніи. Тамъ было упомянуто о славинахъ Даляхъ. Надо было видѣть восторгъ Владиміра Ивановича при этомъ извѣстіи!

Около того же времени поднялся въ печати вопросъ о нѣмцахъ прибалтійскаго края. Въ это время дерптскіе друзья Даля требовали отъ него категорическаго отвѣта кто онъ—русскій или нѣмецъ.

Вотъ что писалъ онъ имъ: «Ни прозваніе. ни вѣроисповѣданіе, ни самая кровь предковъ не дѣлаютъ чело-

---

нѣтъ и мытарствъ; православія Сведенборгъ не зналъ, онъ нигдѣ, ни однимъ словомъ о немъ не коснулся, даже въ описаніи страшнаго суда, гдѣ говоритъ обо всѣхъ исповѣданіяхъ христіанскихъ и нехристіанскихъ. О народныхъ вѣрованіяхъ русскаго народа, о *Житіи Василія Новаго*, никакого понятія онъ не имѣлъ, а написалъ то же, или почти то же самое. И во всѣхъ его *арканахъ*, то-есть таинствахъ, меньше всего сообразнаго съ католическими и лютеранскими воззрѣніями, и больше всего съ православными преданіями. А православія, говорю, онъ не зналъ ни русскаго, ни византійскаго, не былъ знакомъ не только съ *Житіемъ Василія Новаго*, но даже и съ важнѣйшими писателями православной церкви, Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ и другими.»—«Что жъ изо всего этого?» спросилъ я. «А то отвѣчалъ онъ, что въ преданіяхъ вашей вѣры правды гораздо больше, чѣмъ въ воззрѣніяхъ нашей.» Это было сказано въ пору самаго сильнаго увлеченія его сведенборгизмомъ.

вѣка принадлежностью той или другой народности. Духъ, душа человѣка—вотъ гдѣ надо искать принадлежности его къ тому или другому народу. Чѣмъ же можно опредѣлить принадлежность духа? Конечно проявленіемъ духа—мыслію. Кто на какомъ языкѣ думаетъ, тотъ къ тому народу и принадлежитъ. Я думаю по-русски.»

Этимъ отъ души высказаннымъ признаніемъ кончу воспоминанія о дорогомъ моемъ учителѣ и руководителѣ на поприщѣ русской слолесности, о русскомъ великомъ трудолюбцѣ, о русскомъ православномъ человѣкѣ, Владимірѣ Ивановичѣ Далѣ.

Вѣчная да будетъ ему память!

П. МЕЛЬНИКОВЪ.